

ЭДУАРД ОВЕЧКИН
АЛЕКСАНДР ЦЫПКИН

18+

и другие

Удивительные истории

МУЖЧИНАХ

Сборник
Эдуард Анатольевич Овечкин
Удивительные
истории о мужчинах
Серия «Удивительные истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51683371

Удивительные истории о мужчинах / [Сост. Э. Овечкин]: ООО

«Издательство АСТ»; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-119845-9

Аннотация

Кто такие мужчины? Как они ведут себя в естественной среде обитания? Чем вообще занимаются, когда за ними никто не наблюдает?

Удивительные и правдивые истории о них, о мужчинах. О том, как важно слушать командира, даже если он неправ. Как отстаивать в портах честь российских моряков, как легким росчерком карандаша превратить сослуживцев в женщин легкого поведения и как правильно общаться с военным, если он ко всему прочему – муж?

Двадцать три автора и одна из них женщина – именно для того, чтобы можно было написать про истории «правдивые», не сильно покрывив душой.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Эдуард Овечкин	6
В тумане	6
Дело было не в бобине	27
Александр Мазин	46
Страх	46
Александр Цыпкин	66
История о том, как любовь может быть очень холодной	66
Геннадий Валентинович. Притча о загадочной женской любви	73
Андрей Константинов	82
О вреде доверчивости к гражданам вообще и в частности к военным переводчикам, имеющим острую потребность в деньгах и спиртных напитках	82
О вреде недоверчивости к гражданам вообще и в частности к военным переводчикам, имеющим самые добрые намерения	94
Конец ознакомительного фрагмента.	104

**Удивительные
истории о мужчинах
(Сост. Эдуард Овечкин)**

© Авторы, 2019

© Э. Овечкин, составление, 2019

© К. Соколов, ил., 2019

© Ева Эллер, обложка, ил. на обл., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Эдуард Овечкин

В тумане

Зябко. Туман такой густой, что не сразу понятно: то ли это подводная лодка плывет по морю, то ли аэростат летит по облаку. Спереди – ни зги, сзади – ни зги, по левому борту едва виден красный ходовой огонь, по правому зеленый – чуточку лучше, но кому они светят? Внизу моря будто и нет, хотя им пахнет, и оно там точно есть и даже иногда плещется по бортам, но звук не такой, как обычно, а глухой, посторонний, где-то должна быть полная луна, и она наверняка где-то и есть, и можно даже показать пальцем в ту сторону, сверившись с картами: показать можно, а вот увидеть – нет.

Старпом на мостике страдает: он же не привык ждать милостей от природы, а тут природа возьми да и расставь все по местам: извините, мол, товарищи военморы, но у меня сегодня меланхолия, и сколько вы ни стреляйте в меня своими красными ракетами, а я буду хандрить, спасибо за внимание. До свидания – вот вам, кстати, еще белый туман.

На резине конденсируются капли, и оттого резина кажется жирной – капли сидят на ней плотненько, пузатенькие такие, дрожащие. Прозрачные. И, если тронуть их пальцем акку-

ратно, чтоб не раздавить, они тут же срываются вниз по покатому борту рубки и весело исчезают в тумане, оставляя за собой пунктирные следы из махоньких таких капелек, своих, видимо, детишек. Но в воздухе сыро, и долго с капельками не поиграешь. Вахта началась недавно, но все уже успели и вдоволь наговориться, и всласть намолчаться, и делать-то больше нечего, кроме как следить за курсом.

– Боцман, на румбе!

– Проходим двести семьдесят, ложимся на курс триста!

– Есть, боцман!

Скорость маленькая, и лодка слушается руля неохотно – поворачивается на новый курс долго, по сильно пологой дуге. Вверху висит огрызок флага, периодически просыпается и лениво хлопает, брызгаясь водой. Надо бы не забыть штурмана взбодрить по этому поводу: меньше половины уже осталось от синего креста – никакой солидности.

Вахтенный офицер тянется к рычагам «Тифона» и «Сирены».

– Ну-ка, дай-ка я! – отодвигает его старпом.

Хоть вахтенный офицер и минер, с подачей сигналов он точно справился бы и самостоятельно, но старпому неважно рулить кораблем и не рулить им одновременно от невоз-

возможности и бесполезности этого занятия. Хоть бы врезался кто, и то веселее было бы!

Сначала два раза «Тифон»: басовито и низко, так, что вибрируют пломбы и дрожат напуганные капли на стекле, а рулевой морщится и оборачивается в сторону мостика – ревет ведь у него над головой; потом «Сирена», тоже дважды, но высоко, визгливо, будто захлебываясь в истерике, – рулевой снимает перчатки, хлопает себя по мокрым карманам тулупа и, отыскав сигареты, закуривает. Пару минут тишина – все слушают, не отзовется ли кто, и на миг кажется, что отзывается, – старпом даже сдергивает шапку, чтоб лучше слышать.

– Да? – спрашивает он у минера.

– Нет. Эхо вроде.

– Да, вроде как оно. Один черт, не понять ни направления, ни дистанции. Ты там куришь снова?

– Нет, что вы, Сей Саныч!

– Дым откуда?

– Из ушей! Дудите там как не в себя! Мозги лопнут уже скоро!

– Откуда у тебя мозги? Были бы мозги – пошел бы в военное училище, а не сидел бы рулевым всю жизнь!

– А рулевым тогда кто бы сидел?

– Тоже верно, – кроме тебя, и некому. Хоть ты и без мозгов. Чаю будешь?

– Можно, да.

– Ну сбегай вниз и мне заодно сделай.

– И мне. – Минер топает по коротенькому трапу сверху, подменить рулевого. Лишние слова им не нужны – все и так знают, кто, что и когда делает.

– На румбе двести девяносто, ложимся на триста. – Боцман знает, что минер это тоже знает, но порядок на то и порядок, чтоб все было в порядке.

– Есть двести девяносто на триста. Мостик на румбе двести девяносто, ложимся на триста!

– Есть, смену рулевого разрешаю!

Хоть за чаем сходить, хоть на абордаж сбежать, а все должно быть так, как должно быть, а иначе какой же это Военно-морской флот? Это разве что мотострелковое подразделение, набранное двадцать восьмого декабря из скрывавшихся ранее резервистов.

– БИП мостику! – кричит старпом в переговорное устройство.

– Есть БИП! – голос у БИПа ленивый, расслабленный в тепле и мерном жужжании центрального.

«Спит, сука!» – думает старпом.

– Обстановка?

– Горизонт чист!

– Спишь, сука?

– Никак нет, мостик!

– Смотри у меня! И если что там – сразу доклад! Немед-

ленно! Как понял?

– Есть доклад немедленно.

– Спит там, сука, представляешь? – кричит старпом минеру.

Минер встрепенулся: тоже задремал, – внизу так же холодно, как и на ходовом мостике, но хоть не так сыро и лампы вон светят, а от них кажется, что теплее. На румбе – триста пять градусов, проскочил курс, тихонечко руль влево – авось не заметят.

– Мостик, штурману!

– Есть штурман.

– Рекомендую задержаться на курсе триста!

– На румбе? – не понимает старпом, который как раз на этот курс и ложился.

– Триста три, – врет минер, – устаканиваю!

– Тоже там спишь, собака бешеная?

– Никак нет!

– Никак нет, – дразнится старпом, – есть штурман, задерживаемся на курсе триста! Дружок твой, рогатый, уснул на руле!

– Не друг он мне после того случая на Яграх!

– А сам виноват! – кричит минер. – На румбе триста!

– Есть триста! Штурман, смотри, на румбе триста!

– Подтверждаю. Есть триста.

– Штурман, мостику!

– Есть штурман.

– Так что там было, на Яграх-то?

– Так я вам три раза уже рассказывал!

– Да делать мне нечего, херню эту вашу помнить! Расскажи еще раз, язык у тебя отвалится?

– Все веселитесь тут, да? – на мостик поднимается командир с термосом, и от него недолго пахнет теплом, и туман в недоумении клубится поодаль, боится подступить поближе, но недолго. – На, тебе боцман чай вот передал.

– На румбе триста, – докладывает старпом, – видимость – ноль, слышимость – ноль, следуем в полигон по приборам. А сам-то где он?

– Боцман? Пописать побежал.

– И через вас чай передал?

– Ну видишь же. А минер где у тебя? Бежит впереди корабля с факелом?

– Рулит, тащ командир, боцман же... того.

– А, ну давай я ему чай отнесу. Где-то у меня в кармане второй стакан был.

Командир спускается к минеру, вручает ему стакан с чаем: «За хорошую службу и чтоб не говорил потом, что я тебя не поощряю!», присаживается рядом на откидное сиденье:

– А чего у тебя форточки закрыты?

Открывает форточку, и в нее тут же лезет туман, и было

ничего не видно, а стало ничего не видно – и туман. Закрывает.

– Ну-ка, дай-ка попробую, больно вкусно пьешь! Не, не могу такой пить – от сахара губы слипаются. Серега, а сколько нам до полигона пилить?

– Часа три так точно. Ускориться бы...

– Да куда ты тут ускоришься?

– Да я так, высказываю пожелания во Вселенную.

– Чем-то ты ей насолил, видать.

– Вселенной-то? А чем я ей только не солил! Сами же знаете.

– Ладно, я – вниз, если что, сразу зови! О, а дай подудеть хоть: зря лез, что ли!

Командир поднимается на мостик.

– Взрослые люди, – бурчит минер, – хуи по колено, а все лишь бы подудеть куда.

– Чего говоришь? – не слышит его командир.

– Все правильно, говорю! Безопасность – она превыше всего!

И снова два басовитых, низких и два визгливых, высоких. И слушают, не отзовется ли кто. Нет – тишина.

– Может, вам бутербродов передать с боцманом? – кричит командир уже из люка.

– Да! – кричит минер.

– Нет! – кричит старпом. – Вы лучше нам боцмана с боцманом передайте!

Скоро выходит и боцман, поднимается на мостик: он передел тулуп и, только поднявшись наверх, чувствует себе еще довольно комфортно. Оглядывается. Туман вроде немного редет, и уже видно, где сзади кончается рубка (или он просто знает, где она кончается, и дорисовывает ее контуры в тумане сам), но носа и хвоста по-прежнему не видать.

– Думал, у вас тут хоть видимость получше.

– Ага. Мы же офицеры – у нас все получше, чем у вас, мичманов, да?

– Нет. А где мой термос-то? Пойду минеру бутерброд передам.

– А мне?

– Что?

– Бутерброд.

– А вам командир не передавал – только минеру. Плохо себя вели, да, Сей Саныч?

– Мостик, БИПу!

– Есть мостик!

– По пеленгу двести шестьдесят в дистанции одного кабельтова ничего не наблюдаете? Случайно?

– Он охуел? – спрашивает старпом у боцмана.

Боцман пожимает плечами.

– Ты охуел? – спрашивает старпом у спрашивающего БИ-

Па. – Ну-ка сюда, быстро! Минера на мостик, мигом! – снова боцману.

Шутки кончаются, и об этом не надо никому объявлять – все понятно по интонации. Боцман скатывается вниз: «Триста – едем прямо, есть триста – едем прямо», и минер уже на мостике.

– Ракету на двести шестьдесят! – командует старпом.

Минер заряжает ракетницу и бахает в заданном направлении, но ракета тонет в тумане метрах в пятидесяти – какой уж тут кабельтов? Вахтенный БИПа выходит в РБ, тапочках и пилотке, и за это старпом начинает ненавидеть его еще больше.

– Видишь? – тычет старпом пальцем в пеленг двести шестьдесят. – Где твой кабельтов?

– Не вижу, – соглашается вахтенный БИПа.

– А сколько видишь?

– Метров тридцать, может. Меньше даже.

– И я! И я вижу столько же! Сюда смотри!

Старпом показывает на свои глаза:

– Видишь? Обыкновенные человеческие глаза! Два! Как и у тебя, странно, да? И, если они говорят, что видимость – ноль, значит, она обычный такой ноль, и это ты, ты, сука, должен мне говорить, что ты наблюдаешь в дистанции одного кабельтова, чтоб я мог принимать решения! Ты – потому что у тебя что?

– Омнибус?

– Пра-а-авильно, потому что у тебя – точный прибор, да что там прибор – целая система, созданная гением советской инженерной мысли, а у меня всего лишь глаза! Так какого тогда хуя?

– Да там непонятно ничего. Вроде цель, вроде не цель – хода нет, засветка, может, вот я и...

– И что ты? Приказал мне туман развести руками?

– Уточнил...

– Уточнил. Центральный, мостику!

– Есть центральный.

– Стоп обе. Командира БЧ-7 в центральный. Что ты тут стоишь? Иди на боевой пост – и немедленно разбирайтесь там!

– Не стоит просить у вас разрешения перекурить?

– Даже не вздумай!

– Мостик, центральному! Застопорены обе турбины.

– Есть центральный! Минер, куда ты смотришь? Нет, блядь, двести шестьдесят на десять градусов левее! Рулевой, на румбе!

– На румбе триста, лодка медленно уходит вправо!

– Держать триста!

– Есть держать триста! – нижний вертикальный руль (а работает сейчас только он) совсем маленький, и держать им курс без хода практически невозможно, поэтому, выждав необходимую для приличия паузу, рулевой докладывает:

- Лодка руля не слушается, медленно уходит вправо!
- Центральный, мостику, правая вперед десять!
- Есть правая вперед десять, работает правая вперед десять!
- Рулевой, держать курс триста!
- Есть держать курс триста! На румбе – триста.
- Есть! Внимание на левый борт!
- Ого тут у вас! – Командиру БЧ-7 холоднее и оттого еще, что он только что спал, уютно укутавшись одеялком. – Сей Саныч, вот, смотрите, – выкладывает планшет, – вот здесь вот что-то вроде как есть, но что – классифицировать не можем. Хода не имеет. Сблизимся минут через пять.
- Маленькое?
- Совсем.
- А на картах тут что?
- А на картах тут море.
- Умник. Что рекомендуешь?
- Тихонько красться. Справа тут банка, и вода сейчас малая, в теории можем пройти, но мало ли, а влево чтоб уйти, надо ход увеличивать, а ну как не успеем? Рекомендую остаться на данном курсе.
- Ладно, давай вниз, смотри там во все глаза. На румбе?
- На румбе – триста!
- Центральный, мостику! Что с турбинами?
- Левая застопорена, правая работает вперед десять.
- Стоп обе!

– Есть стоп обе. Застопорены обе.

– Оба САУ отвалить, развернуть лево девяносто и быть в готовности к немедленному пуску!

Больше сделать ничего и не сделаешь, а вроде как надо – крейсер же медленно ползет к чему-то неопознаваемому и мало ли к чему, и вот это вот состояние, когда все сделал, что мог, а надо бы больше, но нечего, начинает нашептывать старпому в ухо всякое и заставляет его ходить по квадратному метру мостика из угла в угол и смотреть по пеленгу двести шестьдесят и проверять – туда ли смотрят минер и рулевой, и что, опять спросить, сколько на румбе? Ну чтоб вот просто не молчать.

– На румбе?

– Триста!

– Мостик, центральному! Отвалены оба САУ, оба САУ развернуты лево девяносто, готовы к немедленному пуску.

– Есть центральный. («Швартовые команды вызвать, что ли? А смысл?») Боцманскую команду наверх!

– Есть боцманскую команду наверх.

Первым замечает минер.

– Вижу слева по борту что-то!

– Где?

– Вон, смотрите, чуть левее, видите контур? Видите, да вон же, ну!

– Да, вижу! – кричит снизу рулевой.

Он по пояс почти вылез в форточку, чтобы лучше разглядеть, что там, но толком ничего не понять: просто в одном месте туман, да, плотнее, чем в других, и он лепит из себя какой-то не то баркас, не то шаланду. Развернули в ту сторону прожектор – стало еще хуже, убрали прожектор.

– Дай ракету!

– А кончились красные.

– Ты серьезно? Ну все тогда, отбой войне и стоп служить Отчизне! А зеленую дать тебе что, тонкое чувство прекрасного не позволяет?

– Ну... это... МППСС же...

– Дай зеленую ракету, немедленно! МППСС ему, гляди ты, а! Я сейчас – твой МППСС! Я!

Зеленая ракета глухо хлопает и шипя летит по пологой дуге – в хорошую видимость ночью светит она далеко и ярко, а сейчас едва освещает пару метров вокруг себя, но маленький рыболовный траулер угадывается отчетливее.

– Рыбак, – резюмирует старпом.

Траулер просто стоит без огней и хода. Как мертвый.

– Не ржавый какой-то, наш ли? – сомневается минер.

Почти уже без хода, лодка медленно пододвигается левым

бортом к суденышку длиной метров тридцать. Старпом хватается за рычаг «Тифона», и тот с готовностью орет во все свое тифонье горло.

– Бля-а-а-а! – орет рулевой, у которого чуть не сдувает шапку. – Предупреждать же надо!

И убирается на свое место, захлопывая форточку. Его, естественно, никто не слышит.

Из рубки рыбака выскакивает мужик, почти такой же, как в рекламе леденцов «Фишермансфренд», только в вязаной шапочке вместо фуражки, и в руках у него не то багор, не то гарпун, не то черенок от лопаты.

– Бля-а-а-а-а! – орет рыбак, вращая глазами – Какого хуя!

Он смотрит вперед: черный резиновый борт, выше его судна, теряется в тумане. Он смотрит назад: черный резиновый борт, выше его судна, теряется в тумане. Он смотрит вверх: примерно на высоте его квартиры (а живет он на четвертом этаже пятиэтажного дома) светит прожектор и оттуда ему весело кричат:

– Ты с гарпуном, что ли? Планируешь акт нападения на военный корабль?

– Вы кто, нахуй, вообще?

– Инопланетяне, ёпта, повезло тебе, мужик, – собирайся! С нами полетишь!

- Да нахуй так пугать-то, а! Я, блядь, чуть не обосрался! Чего вы ревете-то как потерпевшие!
- Да проверяем, есть ли кто живой! А то мало ли, нашли шлюпку в море, а она – ничья!
- Сами вы шлюпка! Поняли? Не, серьезно, а вы кто вообще?
- Ну подводная лодка же, ну что ты – слепой?
- Подводная лодка? – рыбак вертит головой. – Да что вы пиздите? Подводные лодки вот такие (рыбак разводит в сторону руки), что я, не знаю, что ли? А это что за хуйня? (тычет багром вперед, назад и вверх).
- Да тебе не угодишь, капризулька! Инопланетяне – не веришь, подводная лодка – не веришь! А чего ты стоишь тут, как Летучий голландец, без огней и хода?
- А куда мне тут идти и кому тут светить?
- Ну нам вот, видишь?
- Да не должно тут никого быть, я смотрел сводки перед выходом!
- И чего там было в сводках?
- Ну что нет тут никого!
- А почему?
- Ну... военные район закрыли опять!
- Во-о-о-от, видишь, как оно, оказывается! Военные район закрыли просто так, ты себе думал, да?
- Ну это же военные, слушайте, вечно они! Сколько раз ходил по закрытым районам, и всегда пусто!

– А сейчас, видал, как густо!

– Дык а вы тут что делаете?

– Родину охраняем, понятное дело!

– От кого? Это же Мотовский залив!

– Хуетовский залив! Вон Цыпнаволок на траверзе – Баренцево море уже, считай!

– Ну дык и что? Оно же тоже тут наше!

– То есть ты, наплевав на запрет военных заходить в район, поперся сюда, а враги, они дисциплинированнее тебя, ты считаешь: нельзя так нельзя, думают они и не плывут туда, куда запрещено? Ну да, в принципе, я с тобой согласен! Таких распиздяев, как вы, – поискать еще!

– Да при чем тут... а-а-а-а-а! – Рыбак кинул куда-то свою палку, достал трубку и закурил.

Рыбацкое суденышко давно уже тукнулось бортом о борт лодки, и они стояли (скорее висели) бок о бок в тумане, как слон с маленькой Моськой, которые помирились и решили дружить. Боцманская команда в жилетах, страховочных поясах и с бросательными концами (на всякий случай) толпилась под мостиком и дружно курила, вопросов не задавали – раз вызвали, значит, надо. На рыбаке то там, то сям вдоль борта показались тоже какие-то – больше похожие на пиратов, чем на моряков – люди и хлопали сонными глазами то на своего капитана, то на борт неизвестного морского чудища.

– Что рыба-то? – спрашивает старпом.

– А что рыба – плавает где-то.

– У вас-то есть?

– Ай, да что там есть, пара тонн всего.

– Фига, пара тонн. Может, это, в качестве контрибуции, мешочек какой подгоните?

– А чего вы нас, захватили, что ли?

– Ну можем, да, но проще пропустить этот акт и сразу перейти к контрибуции!

– Ой, да там, слушай, треска одна да пикша!

– Да ты видел, сколько та треска в магазине стоит?

– Дурак ты – я на нее смотреть уже не могу, еще в магазин за ней ходить!

– Ну дык что?

– Ну дык давайте мешок, что...

– Боцман, – спрашивает старпом вниз, – мешок дуковский есть с собой?

– Конечно, мы всегда, когда нас будят ночью и вызывают наверх без объяснения причин, берем с собой дуковские мешки. Обязательно.

– Ну так сбегайте быстро. Два возьмите на всякий случай!

Старпом что-то шепчет минеру, и тот тоже спускается вниз. Наверх поднимается командир.

– О, не спится, тащ командир?

– Да что тут суета какая-то происходит: тем прибыть, тем убыть, то плывем, то стоим, уснешь тут!

Командир свешивается вниз рядом со старпомом.

– О, так мы добычу захватили? Грабим уже?

– Так это наши рыбаки, тащ командир!

– Которые дерзко нарушают запрет на посещение района? – кричит командир вниз.

– Да вот рыба забывает у вас спрашивать про запреты районов! – не менее дерзко отвечают снизу.

– А могла бы!

– Ага! А ты кто такой?

– А я командир подводной лодки!

– А до того кто был?

– Старпом! Он и сейчас тут. А ты?

– А я – капитан рыболовного траулера!

– Тоже ничего! А принцессы-то у вас есть на борту?

– Какие принцессы?

– Желательно – прекрасные!

– А скока хошь! У нас в кого ни плюнь – все прекрасные принцессы! Особенно как рыбу надо тралить или порядок наводить!

Боцманская команда внизу уже наладила веревочную грузовую переправу, и сначала на траулер пошли мешки, а потом аккуратно укутанная трехлитровая банка. Банку передали капитану.

– А это что? – показал он наверх банку. – То, что я думаю?

– Нет, это святая вода из колодца Марии! Прямо из Наза-

рета!

– Так я и думал!

– За рулем не пить! – предупредил командир.

– Ну что вы, что вы! Только попробуем! А пить – нет, не будем!

Два мешка рыбы перекочевали на лодку, следом прибрали концы.

– Ну отчаливай, потихоньку! – махнул командир рукой. – Только в корму мне не иди – в винты засосет еще! Серега, давай, трогай потихоньку.

– Центральный, мостику!

– Есть центральный!

– Левая вперед двадцать, правая вперед десять!

– Есть левая вперед двадцать, правая вперед десять! Работают левая вперед двадцать, правая вперед десять! Прошу разрешения третьей боевой смене завтракать!

– Завтрак третьей боевой смене разрешаю! Обе вперед двадцать!

Коротко рывкнув на прощание рыбаку «Тифоном» (рыбак пискнул в ответ какой-то своей сиренкой), лодка, медленно набирая ход, двинулась дальше в туман – занимать следующий свой полигон.

– А я думал, скучно будет, – уселся на мостике старпом. –

А ты гляди, уже и вахта к концу подошла незаметно. Да, минер?

– И не впустую! Ухи теперь хоть свеженькой навернем на обед!

– А с чего ты взял, что это на всех? Может, это я для нас с командиром по мешку выпросил, а?

– Ага. Не верю, как говаривал, бывало, один мой старый знакомый!

– А вы знакомы со Станиславским?

– Наполовину.

– Это как?

– Ну я с ним – да, а он со мной – нет.

– Боцман, ты опять куришь, что ли? Сколько можно уже травить мой молодой организм пассивным курением? А? Молчишь? А где бутерброд, который ты от командира нам нес, кстати? Сожрал уже?

– Не, забыл про него, и не вам, а минеру. Где он, блин, а вот – помялся немного.

Снизу высунулась на мостик рука, в которой было что-то бесформенное в пакете:

– Держите там!

– С колбасой был. – Минер вертит комок в руках. – И сыр вон... по пакету размазан.

– Дай сюда. – Старпом развернул пакет и выбросил его содержимое за борт. – Тебе, владыка морей Посейдон, при-

ношу я эту жертву! (Пакетик убрал в карман.)

– Вот у Посейдона-то радости сейчас будет! Такой лакомый кусочек: и спиртовой батон тебе, и плавленый сыр из банки со штампом семьдесят второго года, и колбаса «Друг человека»! Представляю, какой там пир сейчас закатят на дне морском!

– А я не про бутерброд, может, а про тебя. Бутерброд – так, прикормка, а сейчас мы с боцманом тебя за борт выкинем.

– Мостик, штурману!

– Есть штурман!

– Для своевременного занятия полигона рекомендую курс триста десять и скорость двенадцать узлов.

– Курс триста десять утверждаю, скорость двенадцать отставить, считай на восемь, пока туман не растает!

– А что там с туманом?

– Клубится уже – сейчас осядет.

А туман и правда уже начал оседать. Похандрив, природа, видимо, подумала: ну и ладно, ну и пусть дальше не ждут от меня милостей, а берут их собственными руками и, начав выкатывать на горизонте солнышко, уже расцветчивала туман поверху заревом, собирала его в тугие комки и топила в море. День обещал быть погожим.

Дело было не в бобине

– Скучно мы что-то плывем, – побарабанил пальцами по столу командир дивизии, и я прямо почувствовал, как прошелся по моему затылку его взгляд, – да, ребята?

«Ну хуй его знает, товарищ командир дивизии! Так-то да: медведи на велосипедах с балалайками по отсекам не пляшут, но вот чтоб прямо скучно, то вряд ли!» – можно было бы так ответить ему, если бы он не был контр-адмиралом, на флоте не существовало бы субординации или, например, до этого мы не знали, чем все это обычно заканчивается.

После прошлых раз, когда ему становилось скучно, мы:

- фактически отработывали заклинку кормовых горизонтальных рулей на погружение;
- чуть не утонули, оттого что, как бы откачивая из уравнительной цистерны, на самом деле принимали в нее;
- всплывали раком потому, что часть клапанов продувания оказались на ручном управлении;
- почти подняли бунт из-за лепки пельменей вместо сна;
- чудом не остались до сих пор висеть на якоре где-то в Баренцевом море.

И это так, без всяких мелочей, которые досаждали, но

крови не портили. К концу второго месяца плавания оно да, не так весело, как в самом его начале: все слабые места уже себя проявили, были вылечены, механизмы и системы работали как часики, и с выпученными глазами в рваном РБ по кораблю действительно никто уже не носился, ключей друг у друга не просил и мозговыми штурмами не занимался. Даже к трех-, четырехчасовому режиму сна организм уже привык, хотя нет, не привык, а, скорее, смирился и так уж и быть терпел – раз надо. В сауне стали появляться механики, и даже пару случаев было, о, Вася, так и ты с нами в море пошел, надо же! Но чтоб прямо кто-то страдал от того, что его не веселят... ну не знаю, не знаю.

– Меня штурман в штурманскую вызывает! – объявил старпом и скрылся в штурманской.

И когда это они со штурманом успели изучить телепатическую связь?

– Так, – опять побарабанил пальцами комдив, и я внутренне приготовился: барабанил он пальцами прямо у меня за спиной, а кроме нас с ним в центральном остались Антоныч, которого комдив никогда не трогал вообще из чувства глубокого к нему уважения, секретчик на вахтенном журнале, которого не трогал вообще никто, и двое рулевых, которые, проснувшись, немедленно схватились за рукоятки управления рулями, хотя те стояли в автомате и на рукоятки не реагировали. Ну, думаю, раз у рулевых прокатывает, попробую и я! И как давай активно на кнопки нажимать...

– Думаю я, Антоныч, что надо расширять техническую грамотность наших офицеров, как ты считаешь?

– Абсолютно правильно, тащ комдив! И углублять тоже! А то с шириной у нас более-менее, а глубины часто не хватает!

– А вот правильно! И начнем мы, пожалуй...

...Нажимаю проверку ламп, проверку закрытого положения арматуры, собираю схему откачки с одного борта через другой – лампочки то красные, то зеленые, то желтые, то горят ровным светом, то мигают, ну красота же, ну что он – не видит?

– ...А вот с Эдуарда и начнем.

Нет – выходит, что не видит.

– Тэ-э-э-э-эк. По трюмному дивизиону спрашивать его смысла нет, тут он все знает...

– Хуй там, – шепчет Антоныч, – он киповец и в трюмных делах как свин в апельсинах!

Делаю Антонычу обиженные глаза – ну в одном окопе же сидим, ну что за подставы-то?

– ...С электричества, что ли, начать?

А вот это вот зря он так – в электричестве корабельном не всякий электрик без описания обойдется, а уж я-то...

– А он электрик же по специальности, – выручает Антоныч, – тоже, думаю, не завалите!

– Я-то и не завалю?

– Нет, вы-то завалите, но, в общем, я бы на вашем месте, если позволите, начал бы со средств движения корабля!

О, вот это, я понимаю, взаимовыручка! Там-то простота, когда разберешься, а я в этом как раз недавно разобрался, да и одно дело, если бы меня механик по образованию пытаться собирался, а тут – люкс, что, я ему не навру, чуть что?

– Ну как скажешь, Антоныч! Эдуард! А доложи-ка мне, будь так любезен, устройство ГТЗА, если тебя это, конечно, не затруднит!

– Есть! – отвечаю. – Доложить устройство ГТЗА!

Достаю листок и, с трудом сдерживая себя, чтоб не на-свистывать от облегчения, начинаю чертить принципиальную схему. Черчу секунд пять – как раз первый квадратик успел нарисовать.

– Ну? Чего молчишь?

– Схему рисую!

– Какую схему?

– Какую задано, ту и рисую – ГТЗА!

– Покажь! – смотрит на мой квадратик. – Да ну! Схему ГТЗА любой школьник нарисует!

Не знаю, как там у них было в школах Витебской области, но у нас, в Минской, я в школе даже и слов-то таких: «ГТ-

ЗА» – не знал.

– Давай, брат, конкретику мне! Не надо мне киселя этого по губам разводить! Давай коротко и ясно!

– Главный турбозубчатый агрегат... – начинаю я давать.

– Не, не, не – конкретно давай, без предварительных ласк!

– ...Состоит. Э... турбины у нас две!

– Зачо-о-о-от! Шучу-шучу, не бойся, – не зачет еще!

Пройдемся по конкретным цифрам. Так... что бы у тебя спросить-то... Полегче, для начала. А! Блядь, точно! Сколько лопаток в турбине? Докладывай!

Я, конечно, не турбинист и техническое описание турбины изучал довольно поверхностно, можно даже сказать, что и наискосок, но удивительно – как я даже порядок цифр не запомнил? Кошусь на Антоныча – Антоныч усиленно не замечает этого.

– Не знаю, тащ контр-адмирал, – честно признаюсь я, потому что пауза затягивается и загибать пальцы, шевеля губами, тоже не вариант – нет у меня столько пальцев.

– Видал! Ха-ха! Первый выстрел – и сразу в яблочко! Вот как с вами плавать-то можно, когда вы таких элементарных вещей не знаете, а? Стыдно тебе хоть?

Странно, но чувствую, что нет.

– Так точно, – отвечаю, – стыднее и не бывало!

– Эх и офицерики нынче пошли, не то что раньше, да, Антоныч?

– Да, тащ адмирал, мельчают калибром. Не то что в наше время!

– Мы-то да-а-а-а...

– Да-а-а-а... мы-то... это...

– Мы-то устройство, эх, помнишь? Ползали, грызли, учили, да?

– О-го-го!

– Вот как на них флот оставить? Развалят же всё?

– Как пить дать!

– Так. Пойду курить от расстройства. Потом спать, а к утренней вахте доложишь мне, Эдуард! И не надейся – я не забуду! Антоныч – под твою ответственность!

И, довольный, уходит.

– Уф... – Из штурманской выглядывает старпом. – Пронесло вроде на этот раз, да?

– Да, – подтверждает Антоныч, – но не всех! Эдуарду вон, прямо ни за что, еще одна бессонная ночь прилетела!

– Ну жалко его, да, но, с другой стороны, нам-то не прилетела, правильно? Поэтому чего уж душой кривить: Эдуарду прилетело, значит, так ему и надо! О, видали, как я в рифму.

– Здесь вообще нет рифмы! – бурчу я в ответ.

– Это у тебя нет, а у нормального офицера раз старпом сказал «в рифму» – значит, в рифму!

– Антоныч, – спрашиваю, – так что там с лопатками-то этими?

– Ну они есть, это точно, но количество их мне неизвестно. Звони на пульт.

Звоню на пульт.

– Ой, иди на хуй, – отвечает мне один пульт, а за ним и второй, – еще не хватало, чтоб трюмные лейтенанты пульта ГЭУ подъебывали!

– Что пульта? – уточняет Антоныч.

– Не знают, – говорю.

– Ну звони комдиву-раз, я его только что на завтрак поднял.

Звоню комдиву-раз.

– Доброе, – говорю бодрим голосом, – утро!

– Не знаю, настолько ли оно доброе, это утро, если двадцать три часа, а я в железной банке посреди Северного Ледовитого океана собираюсь завтракать в компании тех же самых хмурых рож. Ну ты в этом не виноват и поэтому ладно – чего хотел-то?

– Юрий Владимирович! Сколько лопаток в турбине?

– Надо же, – задумчиво хмыкает Юрий Владимирович, – такой перспективный был лейтенант и в первой же автономке сошел с ума! Кто бы мог подумать, что такое горе и на наши головы. Это тебе не ко мне, родной, – это тебе к доктору же надо.

– Доктор точно не знает, сколько лопаток в турбине!

– Согласен! Мало того, доктор даже, скорее всего, вообще не знает, что такое турбина, сколько их и где они у нас стоят, но зато у доктора столько разных таблеток есть, что у тебя сразу отпадет охота задавать людям дурацкие вопросы!

– Так это не я, Юрий Владимирович! Это командир дивизии меня пытается! Говорит, что если до утра не расскажу, то высадит меня на ближайшем безлюдном острове!

– Командир дивизии?

– Он самый.

– Ну, с его сроком службы неудивительно, и ему даже доктор уже не поможет.

Антоныч забирает у меня трубку:

– Юра! Серьезно, он не шутит! Представляешь? Да! Да, а потом же он и до вас дойдет! Да я понимаю, что ты не знаешь, ну давай приходи, а я механика вызову.

– Повезло тебе, – говорит Антоныч, – Эдуард, что комдив задал тебе вопрос, на который не знает ответа никто, и поэтому ты вроде как опозорился, но не сильно – могло бы быть и хуже. А тут мы хотя бы все живы останемся! Так что прими эту жертву как должное!

Будто у меня есть выбор, ага, кроме как ходить теперь в роли униженного и оскорбленного на фоне остальных, которых в этот раз не унизили и не оскорбили по чистой случайности. Ну что ж – на каждого Сивку найдется своя Бурка,

как говорится в русской народной поговорке, или не совсем так говорится, но смысл тот же.

Позвонили механику, тот сонный и от этого благодушный пришел в центральный, уселся между нами с Антонычем и долго ерзал, устраиваясь поуютнее. Зевнул.

– Ну? Чего тут у вас? Победила наконец Мировая революция или так, по пустякам, опять беспокоите?

– А тут у нас, Хафизыч, командир дивизии решил расширить горизонты наших знаний!

– Так. Пока не очень страшно звучит...

– Сколько лопаток в турбине?

– Да Антоныч, давай что там с адмиралом, а это – потом.

– Так именно это адмирал и спросил у Эдуарда.

– А что Эдуард?

– Честно сказал, что не знает.

– Ну и отдадим его как жертву адмиралу, а с нас и взятки гладки!

– Так-то бы да, но я, Хафизыч, сомневаюсь, что он одним Эдуардом насытится!

– А ничего, что я тут сижу? – робко уточняю.

– Ничего-ничего, – великодушно разрешает механик. – Сиди, ты же на вахте тем более! Так. Ну давайте ждать комдива-раз, я что-то не помню такой цифры, но вполне возможно, что уже и от старости.

Первый комдив пришел сразу после завтрака прямо в кре-

мовой рубашке. Довольный.

– Ну что, попались, неучи? – смеется.

– Смейся, да пока он до вас не добрался! – пригрозил Антоныч. – Так сколько лопаток в турбине?

– Не знаю.

– И ты так просто это говоришь? – удивился механик.

– А как мне это говорить? Ну хотите, трагически взмахну руками?

– Нет, хотим, чтобы ты нам сказал, как нам это узнать.

– По недолгой пока, но довольно доброй традиции нашего экипажа, если мы чего-то не знаем, а уж тем более в турбине, то давайте позовем...

– Дедушку Мороза? – нашел и я куда вставить свои три копейки.

– ...Игорь Юрича! – правильно угадал Антоныч.

Игорь Юрич был всего на год старше меня выпуском, но, мало того, что служил турбинистом, отличался особым умом, прилежностью и сообразительностью, впрочем, я вам об этом уже рассказывал.

– Так он же спит сейчас, – попытался я выгородить друга и соседа по каюте, – во вторую смену же ему.

– Эдуард. У тебя рот сейчас открывается, будто ты что-то говоришь, а вот что говоришь – непонятно. Видно, опять пустое что-то и не по делу. Давай, не трать зря наш кислород, а звони вахтенному седьмого, вызывай наш мозг в цен-

тральный пост.

Игорь Юрич пришел хмурый, лохматый, заспанный и недобро на всех посмотрел. А когда вначале я рассказывал, что все уже устроилось и работало, не вызывая особых проблем, я имел в виду все, кроме испарителей, которые находились как раз в заведовании у командиров турбинных групп и варили воду на первый контур и весь остальной экипаж. В теории варили, а на самом деле вели себя как капризные барышни или какие-то древние ревнивые божки, требовавшие неусыпного к себе внимания и ряда ритуалов, без проведения которых отказывались работать напрочь! Я не удивлюсь, если когда-нибудь узнаю, что для того, чтобы они работали, турбинисты мало того, что на них молились, но и приносили им жертвы, даже, возможно, человеческие, просто это настолько секретно, что об этом никому не рассказывают до сих пор.

– Вызывали?

– Нет, – ответил механик, – не вызывали. Это Эдуард, видимо, пошутил так. Ладно, ладно, шучу. Вызывали. Докладывай, сколько лопаток в турбине?

Игорь недоверчиво посмотрел на механика. Потом на меня, потом на старпома, потом, по очереди, на двух из трех командиров дивизионов и опять закатил глаза на механика. Я делал вид, что вовсе тут не при делах, старпом тоже, а ко-

мандиры дивизионов дружно покивали: да, мол, докладывай немедленно!

– Вы серьезно? – все-таки решил уточнить Игорь и поднял брови так, что даже след от подушки немного разгладился.

– Ну конечно!

– Я-бля (Игорь Юрич показал на себя руками) сплю-бля (сложил ладошки лодочкой у щеки) в своей-бля (показал руками на переборочный люк) каюте-бля (нарисовал в воздухе квадрат). Отдыхаю-бля леж-бля (повысил голос, но не до крика, а из уважения к старшим на пару тонов всего)! Мне-бля в три-бля на вахту-бля встать-бля (показал нам свои раскрытые ладони)! Вы серьезно-бля? Какого-бля? А-бля?

– Мастер! – похвалил старпом. – Так нас всех отчихвостили и ни разу не выругался! Вот она – интеллигенция в наших кругах! Горжусь-бля!

– А можно было? – уточнил Игорь.

– Нет, но мы бы тебе простили бы, если бы да. Переходи к существу вопроса. Тут, понимаешь, честь всей твоей боевой части задета, только на тебя надежда! Докладывай!

– Что докладывать?

– Сколько лопаток в этой турбине.

– Да ебу я? А вы вообще про какие лопатки спрашиваете?

– Ну в турбине которые!

– Я понял. Так, нет, не понял. Понял-то я, что вы слабо себе представляете устройство турбины, будто это какая-то железная палка, утыканная лопатками, и все.

– А что не так? – делано удивился старпом.

– Так-то так, Сей Саныч, но про какие лопатки и какой части турбины идет речь? Переднего хода? Заднего? Реверсивные? Атэгэшные? И как их считать, исходя из их предназначения? Умножать их между собой? Суммировать? Вычитать друг из друга?

– Бля, горшочек, не вари! Про все! Общее число лопаток нам скажи!

– А чем вас мой ответ «да ебу я» не устроил?

– А нет такого числа. Ты серьезно не знаешь, что ли?

– А кто знает?

– Ну кто-нибудь да знает уж наверняка!

– Если я не знаю, то никто не знает, потому что раз я не знаю, значит, этого нет в технической и эксплуатационной документации!

– О, проснулся! – обрадовался механик. – Значит, нет у меня маразма еще! Ладно, иди спи, а мы тут того... документацию потрясем. Короче, Юра, заступай, я в секретку, вы – на чай, а потом здесь собираемся и изучаем документы.

Секретных документов по турбине оказалось шесть фолиантов.

– Берем по одному, а потом передаем их по кругу. Ищем тщательно, но быстро! – скомандовал механик. – Жаль, что всего пять офицеров, – было бы шесть, быстрее бы дело пошло.

– Так минер же вон, – махнул я головой в сторону вахтенного офицера второй боевой смены, который пришел стоять в первую по какой-то там своей нужде.

– Точно! – обрадовался механик. – Минер! Сообрази нам кофейку!

Старательно листали, внимательно бегали глазами по цифрам и водили пальцами по схемам, передавали по кругу и снова листали – за этим увлекательным (на самом деле – нет) занятием и не заметили, как подошло время заступать второй боевой смене и в центральный зашел Игорь, уже менее злой, но более торжественный.

– Ну что? Нету?

– Нету.

– А я вам что говорил?

– Говорил, что нету.

– Ну так послушайтесь умного человека и займитесь делом!

– Да это не мы! Адмирал спрашивает!

– Нехуй делать этому вашему адмиралу – вот что я вам скажу! Как обычно, оказалось, что дело было не в бобине!

– Имеет право! Он же адмирал! Так что делать-то будем? Пошлем радиogramму на завод-изготовитель?

– Ну. – Игорь решил поиздеваться. – Я вот что предлагаю: дробь БП, стопорим ход, висим в пучине морской, аки лев в засаде, а я разбираю турбину, кручу ее на ВПУ и считаю

лопатки. Дня за два управлюсь!

– Какой лев, Игорь Юрич?

– Понятно, что морской, какой же еще!

– Издеваешься?

– А вы надо мной что давеча делали?

– Все, свободен.

– Дело было не в бобине! Я вам говорю! – и Игорь, довольный, что опять всех уел, удалился.

Помолчали.

– Так давайте ему просто скажем, что нет такой цифры! – предложил второй комдив, который пришел заступать.

– Коля, ну ты совсем, что ли? Как мы скажем адмиралу, что он спрашивает всякую хуйню? – Антоныч с адмиралами общался намного больше Коли и знал, чем обычно заканчивается, когда ты намекаешь адмиралу, что он не прав, но не в том смысле, что лев, а в том, что раз он штурман по образованию, ну так и проверял бы, как штурман прокладки прокладывает.

– Спать-то хочется уже, – задумчиво пробормотал механик, – Так! Мне все ясно, выхода нет, и поэтому будем прорубать его сами, своими руками. Принимаю волевое решение! Лопаток в турбине – четыре тысячи двести восемьдесят семь! Цифру заучить и довести до всего личного состава, чтоб все пиздели одинаково! Вопросы? Ну все тогда, я – спать.

Утром адмирал явился довольный. Впрочем, это все равно что написать: «Когда светит солнце, то светло» – если ты адмирал и на подводной лодке в море, то доволен ты всегда, даже когда делаешь вид, что недоволен. Вы, конечно, можете упрекнуть меня в том, что откуда мне знать точно, если я адмиралом на лодке никогда не бывал, как, впрочем, и без лодки тоже. Но, ребята, представьте: вы, для примера, царь и в вашем маленьком царстве у вас абсолютная власть, все слушаются вас охотно, делают вид, что вы самый умный, и возражать не смеют ни в коем случае, а если и делают все равно по-своему, то незаметно, чтоб не ущемлять вашего достоинства. Нет демократии, оппозиции и средств массовой информации вообще – ну чем тут можно быть недовольным? Разве что отсутствием женщин, но а) ты точно знаешь, что это временно и б) были бы женщины, откуда бы взяться тогда абсолютной власти?

– Товарищ контр-адмирал! – начал было доклад старпом.

– Погоди, – отмахнулся от него комдив, – сначала важные вопросы!

Уселся в старпомовское кресло, надел очки, развернул блокнот, прокашлялся:

– Эдуард!

– Я!

– Выполнил ли ты мое приказание?

– Так точно!

– Докладывай!

– Товарищ контр-адмирал, лопаток в турбине ни много ни мало, а четыре тысячи двести восемьдесят семь штук! Доклад окончил!

– Антоныч?

– Так точно, товарищ контр-адмирал! Четыре тысячи двести восемьдесят семь штук!

– А не врешь ли ты мне, выгораживая своего непутевого подопечного?

– Никак нет! У кого хотите можете спросить!

– А и спрошу, а как вы себе думали! Старпом, я тут нужен?

Старпом на секундочку завис. Ну, типа, на кой хрен вообще тут может быть нужен беспокойный контр-адмирал? Но так же адмиралу не скажешь, правильно? Такт и все такое.

– С вами, конечно, спокойнее, но я справлюсь!

– Если что – кричите!

И адмирал, сложив блокнот, очки и ручку в карманы, вышел.

– Предупреди корму! – Антоныч будто и не видит, что я и так уже звоню на пульт.

– Пульт, адмирал к вам пошел, на какой борт – неизвестно!

– Есть, приняли. Ждем.

Вернулся он минут через сорок и прямо сиял от удовольствия.

– Проверил вахту. Замечаний почти нет!

Ну конечно же нет! Они же ждали! Как это у адмиралов происходит, интересно, когда они становятся адмиралами? У них стирают память о сермяжном прошлом или они сами делают вид, что родились – и сразу в адмиралы?

– Про лопатки опросил – все знают! Один, выходит, Эдуард у вас так себе специалист!

– Просто молод еще! – заступается Антоныч, – дошлифуйтем!

– Да, – подтверждает адмирал, – молодость в нашем деле фактор отрицательный! Не то что мы с тобой, да, Антоныч? Борозды не испортим!

– Но глубоко и не вспашете! – хихикает старпом.

– Что ты сказал?

– Я говорю, к акустикам пошел. Акустик меня вызывает.

А я молчу сижу. Во-первых, хочется спать, во-вторых, мне огрызаться еще по сроку службы не положено, а в-третьих, я не могу рассказать адмиралу правду и разозлить его на моих товарищей: ну побуду дураком пару дней – убудет с меня, что ли? А потом он все равно забудет: больно горяч он был,

да сильно отходчив и дело свое любил так искренне, что все остальное в его характере отходило на второй план да так там и оставалось.

Потом про банки в аккумуляторных батареях еще спрашивал и про количество баллонов ВВД, но это – легкотня, это все знают. А на устройстве двубойной захлопки он успокоился: оказалось, что он путает ее с байпасным клапаном, но вслух признать этого не хочет и поэтому отстал, обозвав нас дерзкими, малообразованными и плохо воспитанными недоллюдьми, что, в общем, неудивительно потому, что очевидно же, что когда мы рождались, то все роддома в наших захолустьях были закрыты и у мамок наших, вместо санитарки Люси (родом из деревни, но после медучилища осталась в городе, двое детей, в разводе, имеет виды на зама главврача и для этих видов позавчера приобрела югославский бюстгальтер за полторы своих получки), роды принимал слесарь второго разряда Колян в цеху сборки дисков сцепления на авторемонтном заводе, а сосать нам, вместо сиськи давали гаечные ключи – и что от нас после этого можно ждать? Но не совсем успокоился, а переключился на боцманов, и те две недели, под его чутким руководством, изучали семафорную азбуку. Потому что, ну вы понимаете, как под водой без нее-то?

Александр Мазин

Страх

История эта странная, а верней было бы сказать, – жуткая, случилась со мной на земле, называемой собирательно – «Сибирь». В детстве я думал, что вся она сплошь заросла дремучим лесом и обитают в нем мощнобородые широкоскулые великаны, кладущие на день не более десятка слов.

Однако в поселке, давшем мне недельный приют, когда, заработав деньжат, решил я передохнуть перед возвращением в Питер, такой бородач был только один. Прочие – помельче. В большинстве – горькая пьянь. Что же до тайги, то вокруг была плоская, как стол, равнина на добрую сотню километров окрест.

Обителю моей стал домик-пятистенник из тесаных бревен с острой, красной, как петушиный гребень, крышей. Дом этот, расположившийся в дальнем углу обширного подворья, был с любовью и мастерством сложен хозяином моим, Алексеем Евграфовичем Гречанниковых, деревянных дел умельцем. Он-то как раз и был тем единственным в поселке саженой ширины великаном, немногословным, нежадным и, как узнал я вскоре, весьма азартным.

А узнал я это, когда ежевечерне стал бывать в его хоромах,

где он и еще двое местных играли в редкую для этих краев игру – преферанс.

Я стал четвертым.

Одного из местных звали Семеном. Человек тертый, злой, с хищной щербатой улыбочкой и переломленным носом. Когда Семен сцапывал карты широкой татуированной лапой, то непременно что-нибудь приговаривал по случаю.

Второй, Саёныч, представившийся мне Игорем, оказался из пришлых. Интеллигент, пьяница горький, сбежавший (из Питера, кстати) от жены и осевший здесь у какой-то своей надцатой тетки-бабки. Именно он научил двух других столичной умной игре.

Обходительный в разговоре, с лицом хоть и траченным временем, но не лишенным еще тонкости черт, с мягким, добрым голосом – он, определенно, располагал к себе. Во всяком случае – меня. Об Алексее Евграфовиче Гречанниковых я уже говорил. Впрочем, Алексеем Евграфовичем его никто, кроме меня, не величал. Звали попросту Лёхом. О его рисковости я уже говорил. Объявить мизер при двух пробоях для Гречанниковых – обычное дело. Проигрывался он так, что остальным трудно было не быть в плюсе. Зато уж если шел Алексею Евграфовичу фарт – держись! Всех раздевал.

Гречанниковых обычные эти проигрыши не огорчали: играли по маленькой, денег у него было – в избытке. Плотник, охотник, всякому делу – мастер. Да и на что их тратить в поселке?

Была у Алексея Евграфовича дочка. Настасья. Девушка лет двадцати, справная, высокая – в отца. Жили они вдвоем в просторном доме у самого края поселка. Через забор от той избы, что Гречанниковых мне сдал. Знатный дом. Дворец! Мебель самодельная, резная, с придумками. На стенах – шкуры: волчьи, росомашьи... А у тахты – медвежья, густоющая, с мордой огромной, оскаленной. Я всегда, как глядел на нее – думал: вот бы босиком пройтись!

Не дом – хоромы!

И хозяйство богатое. Одних только лошадей – три головы.

А дочь вот – незамужем. По здешним понятиям Настасья уже перестарок. И с чего бы? С нее хоть статую «Краса Сибири» ваяй. И скромна.

Вот даже питуху нашему, интеллигенту Саёнычу, Настя явно по нраву была: то и дело глаз на нее скашивал да слюну глотал. Но скромничал. Разве что улыбнется или, кашлянув, пошутит деликатно.

Надо думать, отца ее опасался.

Семен как-то, проигравшись и злясь, ляпнул: мол, слава о ней дурная идет. Но не за распутство.

Ляпнул – и осекся. Зыркнул по сторонам: не слышал ли кто, лишней? Но никого, кроме меня, рядом не было. А я что? Случайный человек. Поживу и уеду. Не сосед по жизни, а попутчик.

Однако, интерес мой к Настасье Семен пробудил.

Когда мы садились играть, она обычно рукодельничала.

На нас если и глянет, то украдкой. Сама ни с кем не заговаривала, отвечала кратко. Ничего такого особо нехорошего я в ней не заметил.

Хотел в поселке недельку пожить да задержался. Хорошо здесь. И не сказать, почему, но – хорошо. Покойно и свободно. Днем я гулял или читал. Вечером – играл. У Лёха. Да где ж еще? Саёныч? Дома своего нет: угол у хворой бабки. Семен? У него дом есть, да в доме том – семенова жена. Злая, как росомаха. А у Гречанниковых жены нет. Умерла.

В тот вечер играли мы скучновато. Карта не шла никому. Даже Лёх объявлял без обычного азарта – о другом думал, видно. Завтра он уезжал. Охотничий сезон начинался. Так что сядет завтра Алексей Евграфович на свой мотоцикл с коляской, лайку вместо пассажира пристроит – и по длинной дороге, в тайгу.

Игра не шла – и я глядел по сторонам больше, чем обычно. Вот комод, вот шкура серая распяленная. Вот лайка Лёхова у порога спит. Вот...

И поймал случайно взгляд девушки. Особенный взгляд, со значением. Аж мурашки по спине побежали. С чего это она?

Я, чтоб дураком не выглядеть, улыбнулся ей. И к моему удивлению, она ответила, да так широко, во весь рот. Я, что таить, обрадовался. И обеспокоился: Лёх завтра уезжает.

К женщинам меня нынче особо не тянуло. На заработках подружка у меня была бойкая. Слишком бойкая, если

учесть, что не баклуши бил, а вкалывал по десять часов.

А все же...

Тут потекла ко мне карта и я о Насте забыл. Игра началась. А потом мизер пришел. Без прикупа. И еще. Пуля моя за тридцать перевалила. Пошел других закрывать. Оно так: уж если идет пруха, так идет! Доиграли. Уравняли. Посчитали-рассчитались. И к Лёху в баньку пошли.

А ночью, на простынке чистой ворочаясь, вспомнил я о Настенькином взгляде...

Утром хозяин разбудил меня рано: попрощаться. Сколько б я у него ни задержался – ясно: не на два месяца. Обнялись по здешнему обычаю, даже расцеловались. Пожелал ему, что следует. Он меня послал. Еще разок обнялись (Лёх, хоть и силы медвежьей, соразмерял – чтоб кости не хрустнули). Я его вправду полюбил за эти дни: вот человек, о котором худого не скажешь!

Настасья, после меня, с отцом почеломкалась. Лёх сел на мотоцикл, лайку в багажник посадил и запыхнул через поселок. Настасья – в дом. Я – на озеро. Справа и слева – поля. Небо белое, низкое, плоское над плоской землей широченной. Солнышко приятным теплом на груди. Чудо как хорошо!

Вода в сентябре холодна. Особенно с утра. Но я взял за правило: плавать, пока жар на коже не станет жаром внутри. Уж тогда вылезал.

Позавтракал я молоком с белым мягким хлебом и пошел гулять. Шататься по окрестностям, сощипывать терпко-кислые ягоды дикой облепихи, шевелить ногами траву. Левый берег озера сплошь зарос мягкими высокими травами. В ботанике я несилен – названий не знаю. Но поваляться – люблю. Руки разбросать, распластаться: сверху – небо с облаками, вокруг – эта самая трава. Насекомые жужжат. Иногда прошуршит рядом кто-то живой...

Прощатался я в тот день почти до вечера. Проголодался. Поесть бы, но... Прежде я у Лёха столовался. Сейчас – как-то неудобно. Без хозяина. Решил кое-что записать для памяти да к Семену сходить. Жена у него хоть и злая, но голодным не отпустит.

Только сел к столу – стук в дверь: Настя пришла.
– Что ж вы, Валя, кушать не идете? – с укоризною.
– Ах, – говорю, – Настенька! Совсем забыл!
Не поверила. Голову наклонила, улыбается.

Повечеряли вдвоем. А за чаем с пирогом брусничным Настя меня разговорила. Незаметно. Я ведь как решил: поем – и сразу уйду. Нечего на девушку тень наводить! А тут разлился соловьем. Снаружи уже звезды высыпали, а я сижу, чаек потягиваю, в глазки широко открытые гляжу, языком плету. Чем бы закончилось – Бог ведает. Да постучали в окошко. Партнеры мои пришли: Семен с Саёнычем. Играть. Преферанс – дело такое: хоть вчетвером, хоть – втроем. Сунулись ко мне – нету. Ну и – на огонек.

Без Лёха игра как-то свободней пошла. Партнеры мои оживились. Семен в игре наглеть начал. Саёныч вдруг ни с того ни с сего разошелся: как его женщины любят! Что же, может и любят. Лицо иконописное. Бородка светлая. Руки хорошей формы. Только ходят ходуном и чистоты не первой. А что бедолага – так это ему в женских глазах только шарму прибавляет: не понятый жизнью человек.

– Игорь, – говорю, – тебе сколько лет?

Зыркнул исподлобья:

– Тридцать восемь! А что?

На вид – старше. Соврал, или хмельная жизнь поизносила? И опять: про женщин, про крутизну свою. Я молчу: тема скользкая. Запросто человека обидеть можно. А вот Семен молчать не стал: начал дразнить да подзадоривать. Язык у Семена едкий, злой. Глаз цепкий. А тут еще проигрыш. Да и Саёныч его побаивается – чего стесняться?

– Бабник, – говорит, – а что ж ты дешевым котом вокруг Наськи ходишь? Как подступить не знаешь? Аль Лёха боишься?

– Боюсь! – говорит. – Он ведь добрый-добрый – а убьет! Или жениться заставит...

– Так и женился бы! – и мне подмигивает. – А то вот Валек опередит!

– А правда, – говорю. – Что б тебе, Игорь, не жениться? Девушка славная...

Здесь, как в старину – двадцать лет разницы – не препона.

– Ха! – Саёныч подергал себя за бородку, а потом нашелся: – Глаз у нее дурной!

– Ум у тебя дурной! – отрезал Семен и опять мне украдкой подмигнул. – Кто тебе наплел?

– Да все! Бабка моя...

– Ща! Бабка! Значит так, Саёныч: Лёха нет. Вернется сам знаешь когда. Вот и карты тебе. Струсишь – нет тебе больше моего уважения!

– Да она меня пошлет!

– А не пошлет – с меня пузырь! Давай, Саёныч! Что ко-та за яйца тянуть? Как считаешь, Валёк? Или сам на глазок взял? Видали, как ворковали?

– Хорош болтать! – говорю. – А тебе, Игорь, если девушку обидишь...

Оба они так и покатались.

– Сказал! – проговорил Семен, отсмеявшись. – Да она одной рукой Саёныча в узел завяжет, а другой козлинку ему причешет! Обидишь! Ха-ха! Давай, Саёныч, не брызгай! Пошли!

– Ну и валите! – говорю. – А я спать лягу!

– Спи, бугор! У тебя, небось, баб – шестью руками не перемять!

И принялся собирать карты. Сегодня он проиграл. Немного, рубля два. Но – считать не стали. Саёнычу – до того ли? А мне наплевать. Словчил человек – да и Бог с ним! Моих там – копеек шесть.

Так и уснул. И нисколько, клянусь, не ревнуя!

Уснул – проснулся. Как всегда: на озеро. Воротился, умял полбуханки хлеба с молоком теплым и опять ушел.

Побродил часа три – что-то мне не в кайф. Бывает, знаете, мучит что-то, свербит, а что – не поймешь. Воротился в поселок. Чувствую: неладно. Иду по улочке – навстречу никого. Но во дворах – недоброе какое-то шевеление. Пришел к подворью Лёхову, калитку отворил – Настя. Мимо. На улицу. И тоже: ни «как погулялось?», ни улыбки даже. Зыркнула и отвернулась.

Вот тут мне совсем неуютно стало, хотя вины за собой не знал.

«Должно быть, – рассуждаю, – Игорь с Семеном что-то натворили, а мне – за компанию».

Пришел к себе... Семен!

Да такой, что мне худо стало: как на десять лет мужик постарел!

На столе – водка. Пустая почти бутылка. Глянул на меня: глаза красные, несчастные, как у собаки больной. И трезвые.

– Что ж ты, – говорю, – сам с собой водяру жрешь?

А он встает, берет молча из буфета второй стакан, еще один пузырь из сумки своей вытаскивает:

– Помянем, – сипит, – души грешные Игоря и Семена! – наливает по ободок и разом стакан опрокидывает.

– Ты что, – говорю, – охренел? Ты ж живой!

А потом смекнул, взял его за шкуру:

– Эй! Что с Саёнычем?

– Мертвый! – бормочет. – И я мертвый! Кончено. Кранты.

Пей!

Думаю, спятил.

– Не буду я пить! – рычу. – Что ты такое мелешь?

– Правду!

Посмотрел злобно и тоскливо, взял стакан и выпил, как воду пьют: в три глотка.

– Нету Саёныча! – и всхлипнул.

– Как – нету?

– Не... не знаю... – и, рассвирепев вдруг: – Медведь задрал! В доме! И его, и бабу! Понял?!

И заревел.

Дико так: мужик – плачет! Самому разнюниться впору. Так меня это поразило, что про Саёныча я сразу и не понял. А когда понял, сам не заметил, как свой стакан опростал.

Сел с Семеном рядом, обнял его, к себе развернул:

– Сам, что ли, видел?

А он мне, с яростью:

– А то как же! Хошь – и ты пойдя, полюбуйся! Из района еще не приехали, не забрали! – И, поспокойнее: – Я ж его и нашел! Иди, погляди, коль интересно! Медведя видал?

– Ну! – говорю. А сам: как будто издали. Как будто – в стороне. Не я, а кто-то другой сидит на лавке, выпрашивает...

– Ну?

– Вот те и «ну»! Пришел я к нему, верней, ко двору бабкиному, вижу: забор за домом – в щепы, а в огороде – следы медвежьи. Огромные! От самого крыльца. Я в дом. А там... – помолчал. – От Саёныча, считай, одни куски остались... В кровище все... У бабки нутро выедено, скальп содран... Слышал, как медведь бьет? То-то! Как глаза закрою – так все и стоит! Валька! Налей, корешок! Выпьем за душу грешную!

Смотреть я не пошел. Вы бы, думаю, тоже не пошли. И ужинать, ясное дело, я тоже не пошел. Так сидели. Пили. А уж с третьей бутылки Семен поведал, что довел-таки вчера Саёныча до заветной двери. А как тот постучал да впущен был – ушел. Может, Настасья выставила его через минуту, может – ночевать оставила. Это уж только она теперь и знает.

Стало мне ясно, отчего она сегодня мимо меня смотрела. Шутка ли? Только был у тебя человек, а теперь говорят: нету его! Медведь задрал...

Мерзко было с моей стороны даже и не зайти тем вечером к девушке, но не зашел. Напился страшно, до невменяемости. Ночью проснулся – мордой на грязном полу. Голова – сполошный колокол. Побрел на улицу, отлил, проблевался, голову в бочку с дождевой водой сунул – полегчало. Поглядел на дом хозяйский: два окна горят. Но никаких мыслей во мне от того не возникло. Напился из той же бочки, побрел в домик. Хотел Семена, что на стуле спал, переложить, – не

смог. Ослаб. Упал на постель да в кошмар провалился. Все, как Семен рассказывал, да и похуже: тела выпотрошенные, кровь, вой нечеловечий... Кошмар то есть.

Проснулся поздно, Семен уже ушел.

Проглотил кружку холодной воды, побрел к озеру. На встречных глядя, понял: не одни мы такие были вчера с Семеном.

Солнце уже успело нагреть тонкий слой на поверхности озера, когда я окунул в него вялое тело.

Вода, как всегда, помогла. Возвращался уже человеком.

Настя во дворе я не застал и тому не огорчился. Чувствовал себя паскудно. Однако ж, она меня не забыла: на столе стоял бидон с молоком и комнатка моя прибрана. Тут уж мне вдвойне стыдно стало: за бесчувственность и за свинарник, что после себя оставил.

Выпил я молока, пожевал хлеба, вкуса не чувствуя...

Сентябрьское солнце за окном разошлось по-летнему. Разморило меня, пока сидел. Потому я разделся, завернулся в одеяло и уснул.

Кошмары меня не мучили. Зато, проснувшись, я увидел над собой Настю.

– Что, Настенька? – пробормотал я в том невнятном состоянии, какое бывает, если поспишь днем.

Что-то мелькнуло в карих глазах девушки. Мелькнуло и пропало, сменившись обычным спокойным выражением.

– Одевайтесь да пойдёмте покушаете! – сказала она.

– Угу! Спасибо! – поблагодарил я, но остался лежать, ожидая, пока она выйдет.

Но Настя не вышла, лишь отошла к двери, все еще не спуская с меня глаз.

Да. Сплю я, надо сказать, нагишом. Стеснительным себя не считаю, но тут отчего-то смутился. И выйти ее попросить неловко: они ж тут запросто вместе в баньках, да и...

Словом, не попросил. Откинул одеяло, встал, трусы натянул поспешно, за брюки взялся...

Тут уж она вышла. Странная, верно, девушка? Или – нет? Со сна мне все каким-то звонким и ненастоящим выдилось.

В большом доме, войдя в незапертую дверь, я по темноватому коридорчику прошел в столовую. Знал, у Лёха так заведено: двое, трое, хоть в одиночку, а на кухне не ели. Только в столовой. Стол был накрыт и к своему, незначительному впрочем, удивлению, я увидел на нем запотевшую бутылку водки.

– Это зачем? – спросил я.

Для порядка спросил. Не возмущаясь, не протестуя – любопытствуя.

– Нужно! – твердо сказала Настя и указала мне мой стул.

Правильно: не помешало. Напротив, опростав пару зеленых стопочек, я как будто оттаял изнутри. Снова заговорил о жизни своей недлинной, где был, что видел. Про юг, про

север с западом.

– Кстати, – говорю, – вкусно ты свинину готовишь! Верь мне, я уж ее всякую ел! И кабанятину. В Прибалтике. Там кабак один есть, кабанятину и медвежатину подают. Я и то и другое попробовал. И скажу: что кабанятина, что медвежатина, считай, – та же свинина. Ну да вам здесь медвежатина не в диковинку. Вы ж... – и осекся.

Лицо Настенькино окаменело. Что ж я сказал такое?

Вспомнил! О Господи! Ляпнул, дурак пьяный!

– Выпьем! – говорю. И быстренько, глаза спрятав, водку расплескал.

Скушали, не чокаясь.

Лицо Настенькино порозовело еще, хоть и прежде румянец у нее был отличный. Нет, она симпатичная! Так-то я скуластеньких не люблю: есть в них что-то плебейское. Это не я, это приятель мой говорит. Я и сам не из бояр-дворян. Оба деда – как есть, мужики. Да только посмотрел я на Настеньку иным взглядом. Увидел и шею голую, стройную, и грудь большую, и плечи широкие, но не жиром заплывшие, как бывает, а развернутые красиво, надменно даже.

«Какие ж ноги у нее?» – подумал. Никак не вспомнить. Длинные, наверно, раз высокая.

«Все, – думаю, – надо уходить!»

Встал.

– Спасибо, – говорю, – Настенька, за хлеб-соль-угощение! Пойду я. Как-то мне нездоровится.

– Как скажете! – отвечает. И тоже встает.

Проводила она меня до дверей. А в сенях, в темноте, уж не знаю, как вышло, – я ее обнял. Обнял – полбеды. Да только она сразу прижалась ко мне телом, меня к себе прижала. Да не просто так: с дрожью, с всхлипом, со взлаем каким-то. И сильная же девица!

Сам я тоже парень крепкий. Росту немалого. Однако, не ощути я тогда этой ее силы, моей не уступающей, повернул бы назад, в дом, зацеловал бы девушку...

Но сила эта меня насторожила. Высвободился не без труда.

– Прости, Настенька! Водка кровь баламутит! – и быстро-быстро за дверь.

– Спокойной ночи!

И, едва не бегом, в свой домик. Дверь на крючок – и в постель.

А сон не идет. Днем отоспался. И мысли всякие.

Чего ж я испугался? Девушки испугался?

Порылся в себе: точно.

Ее.

Не того, что привяжется. И не того, что отец ее, неровен час, вернется. Ее самой!

О Господи!

Долго ворочался. Или – недолго? Бессонное время – длинное. Уснул...

И проснулся.

Сидит.

Лампочка не горит, зато на столе свеча теплится.

Сидит нечаянная на стульчике рядышком. На плечах – платочек коричневый.

– Как же ты попала сюда? – спрашиваю. Помню ведь: дверь затворял.

– Трудно, что ль, крючок откинуть?

И не улыбнется.

– Что ж мы теперь делать будем? – говорю.

– Тебе лучше знать!

А сама тапочки скидывает и на кровать ко мне забирается.

Забирается, садится у меня в ногах. Свои, в коричневых носочках шерстяных, под себя подбирает, юбку на колени круглые белые натягивает, сидит, смотрит.

О Господи!

Сел на постели.

Руки на плечи ей кладу:

– Настя!

Сидит. Ладонки под себя подложила. Молчит. Тихая. Покорная. Вот-вот, именно! Покорная!

Гляжу на нее, а в голове почему-то вопрос вертится. Про Саёныча. Был он с тобой? Не был?

Вот дурень! Совсем одичал! К нему девушка пришла! Сама пришла, хоть и не из гулящих – это сразу видно.

– Настенька!

Взял лицо ее в ладони, в глазки заглянул:

– Настенька!

Что-то свеча горит больно ярко! Задуть?

И вдруг как закричал кто-то внутри:

«Нет! НЕТ! Не задувай!!!»

Должно, лицо у меня изменилось.

Но и у Настеньки переменялось что-то. Руки из-под себя выпростала, за плечи меня взяла, потянула к себе. Ох, крепкие пальцы у нее! Лицо ее ко мне приблизилось да вдруг – как потекло... Господи! Я отшатнуться хотел – пальцы, как клещи. И все. Обессилел. Как помертвело внутри. Враз части свои мужские ощутил, и не по-хорошему. Страшно!

На лице девичьем: на тени тень. Черточки знакомые вытягиваются, рот приоткрытый как бы вперед и в стороны расходится и...

Морда медвежья! Как изнутри проступает.

Я уж и не трепыхаюсь. Какое там! Обмяк. Господи! Сожрет! Счас обернется и – рвать!

И тут я со всей ясностью понял: она! Она Саёныча...

Да, впустила, приняла, а потом...

О Господи! Нету силы моей!

И тут в мозгу моем опять словно голос чужой, не вкрадчивый, не ласковый, а какой-то холодный совсем, равнодушный.

«А ты полюби ее, – говорит, – полюби ее, как есть. Не бойся. Полюби!»

И душа моя жалкая, в железном теле, вдруг взошла, как

от искры.

И повернулся мой страх в нежность неопишумую.

И, нехотя словно, вновь стало переменяться ее лицо. Ушла морда медвежья, проступил облик девичий, ожидающий... И руки (не лапы уже) на плечах помягчили. Она ждала. И я знал, чего она ждет. Меня.

А страх мой, он не умер, он был где-то внутри, трепетал. Вылезет – конец мне!

Но я его перемог да затолкал поглубже, убеждая себя: люблю – и все тут!

И я, действительно, любил ее! Не как женщину любят, не страстью, а... как детей своих любил бы, если б были у меня дети. Глядел на нее и думал: обратись она сейчас в зверя, – все равно любить буду! Все равно!

И обмякла она, растаяла. Власть над ней стала – моя: пока не боюсь – моя!

А как я понял это, сразу и любовь моя к ней переменилась. Не то, что ушла: попроще сделалась.

Любопытство появилось: если оборотень она, тело у нее – какое? Может, знаки какие есть?

И вот еще что: женщину в ней я меньше хотел, чем чудовище. И мысль такая совсем не смущала, ни капельки! И ничуть я уже не боялся!

Без поспешности раздел ее: кофту толстую, вязаную, блузу, юбку, чулки старомодные, на резиночках, рубашку испод-

нюю. Раздевал – и все искал, искал. Знаки.

Но не было в ее теле ничего. Ничего звериного. Плечи были чисты, груди теплые, тяжелые, гладкие, рука короткопалая, живот... Просто тело женское. Большое, покорное.

Да, она была покорна, пыталась угадать меня, стать мягче, легче, чем была по естеству.

И все-таки овладеть ею я не мог! Прости, читатель, за подробности: тыкался без толку, ноги ее перекладывал и так, и этак... И сама она старалась мне помочь – никак!

Я уж отчаиваться начал. Пыл угасал. Пришлось подогреть его мыслью: не женщина подо мной. Не просто женщина.

И на меня накатило: понял!

И сама она поняла: перевернулась, приподнялась: я коснулся ее ног, просто провел руками от колен вверх, к ягодичам, и ощутилось, будто не кожа, а грубая шкура с короткими щетинками прорастающей шерсти...

Но я не испугался, нет!

И...

Прости меня, Господи!

На следующее утро я уехал.

Автобус подпрыгивал на буграх. Женщины, возвращавшиеся с фермы, судачили об убийстве, о медведе...

В райцентре, оставив рюкзак на вокзале, и, поскольку до поезда оставалось часов шесть, заглянул в милицию.

Там поначалу отнеслись ко мне без восторга: много тут

вас! Убийство двойное всколыхнуло весь район. Но когда я сказал, что последним видел убитого (Семен ни словом о Насте не обмолвился!), а сейчас, уезжая, хотел бы...

В общем, записали они все (ничего, вернее сказать). Не о Настеньке же мне с ними говорить. Да я и не говорил – спрашивал больше.

А молоденький лейтенант, смакуя или желая потрясти мои чувства, описывал с подробностями, которые я не буду приводить, состояние останков.

– Э... – пробормотал я. – Откуда вы знаете, что медведь? Шерстинки, следы, разве нельзя...

– Нельзя! – отрезал лейтенант. – Отпечатки зубов! И слюна! Ну-ка, где ты раздобудешь медвежью слюну? – и поглядел победоносно.

Я был посрамлен и лейтенант предложил мне перекусить у них в столовой. Я согласился.

Подали нам суп грибной, жаркое, салатик, компот сухофруктный. Хороший обед, только макароны были сыроваты.

Через несколько часов, договорившись с проводником, я уже ехал в Новосибирск, чтобы оттуда...

Где ты, На-а-стя?

Александр Цыпкин

История о том, как любовь может быть очень холодной

Мой друг Коля (нет, он, конечно, не Коля, но мы сохраняем адвокатскую тайну, а человек это теперь серьезный и влиятельный), так вот, Коля всегда любил спорт. А так как речь о времени советском, то я имею в виду не киберспорт и даже не керлинг, скайдайвинг или виндсерфинг. Коля разбирался в подножках, бросках и прочих захватах. Он был дзюдоистом. Сразу хочу сказать: никакого политического подтекста в истории нет. В СССР почти все занимались дзюдо, даже я. Но я занимался дня три, а вот Коля много лет. То есть он мог бросить не только любую девушку, но и любого парня. Парня на татами, разумеется, ну или на асфальт, как уж парню повезет. Итак, Коля был настоящим мужчиной, причем с самого детства. А настоящие мужчины в Советском Союзе, как, впрочем, и почти все мужчины, рано или поздно попадали в армию. Коля тоже в один прекрасный день обнаружил себя в рядах вооруженных сил, но с небольшой оговоркой. Служба Коли проходила в спортроде. Спортрод – это практически спортлото. Куда попадешь – не знаешь. Колю занес-

ла военно-спортивная карьера в город... опять же в сюжете будут реальные люди, а главное дамы, и их честь и даже светлая память может быть задета, поэтому назовем этот город Черноземском.

В общем, оказался Коля в Черноземске молодым солдатом-спортсменом. Что может интересовать мужчину, если он молод, если он солдат и если он спортсмен? В принципе даже одного пункта достаточно для правильного ответа. Молодого человека интересуют девушки. А солдата? Тоже девушки. Ну и, наконец, о ком мечтает спортсмен? Тоже о девушке. То есть выхода у Коли не было. Все три его внутренних голоса шептали об одном. Поэтому все свободное время у новоиспеченного рядового уходило на поиск барышень и содержательные беседы с ними о любви. У солдата времени немного. Хочешь не хочешь – начнешь сбегать ночами. Плохо, конечно, но ради любви чего только не нарушишь. Коля смог пофилософствовать с целым отделением черноземских девушек, но одна ему запала в душу особенно сильно, а главное, практически чуть не стоила ему жизни.

Он пробирался к ней ночами, используя для проникновения тропу черноземских ниндзя. Забор, какая-то труба, кусок крыши и наконец окно. Это сегодня парни способны максимум на чат «ВКонтакте», а в СССР приходилось как следует напрягаться. Коля залезал в спальню в середине ночи, разговаривал о высоком и под утро исчезал тем же путем, чтобы не опоздать на подъем. Родители барышни, спавшие в

соседней комнате, ни о чем не догадывались. Коля не догадывался, кем были родители. А зря.

Однажды Коля попал в квартиру не через окно, а через дверь. Девушка была дома одна. Он снял верхнюю, так сказать, одежду, открыл шкаф, повесил свой тулуп, закрыл шкаф. Застыл, как будто внутри мини-гардероба он увидел привидение, медленно, холодными, как черноземская зима, руками вновь открыл дверцы шкафа и понял, что долюбился. На него смотрели полковничьи красные погоны. Полковник – это всегда неприятно, но они бывают разные. Бывают страшные, а бывают очень страшные. Коля решил уточнить круг ада, на который он взошел.

– Наташ, а папа что, военный? – равнодушно, но с неприятным треском внутри поинтересовался рядовой ВС СССР.

– Ага, комендант города.

Был бы Коля боксером, ушел бы в глубокий нокаут. Из всех возможных полковников он выбрал самый худший вариант. Уходить в самоволку, чтобы крутить любовь с дочкой коменданта города, – это ультрарусская рулетка. Однако пути назад у Коли уже не было, он все-таки не в секцию бега ходил, а борьбы. Он как мог порадовался за Наташу и ее родителей и спросил в порядке праздного любопытства, какое в принципе у папы отношение к тому, что Наташа может кого-то любить. И тут выяснилось, что неприятности Коли только начинаются. Товарищ полковник видел будущее своей дочери с курсантом черноземского летного училища Сер-

геем, которого сама Наташа поматросила и бросила, как принято говорить в мужской среде. Всё бы ничего, но родители Сергея и Наташи дружили, и этот династический брак был высечен на асфальте Черноземска задолго до появления потенциальных молодых. Наташа за Сережу выходить не хотела, избегала его как могла, но Колю папе все равно не показывала.

Наш спортсмен озадачился, но вида не подал. Воевать на два фронта ему не хотелось, но опять же закалка и удасть замутили сознание. Тем временем наступила ночь. Наташины родители были в отъезде, и Коля расхаживал по комендантской квартире в костюме советского купальщика. Квартира была мощная. Особенно гостиная. Дубовая мебель, ковер и, разумеется, море хрусталя как ключевого индикатора благосостояния того исторического периода. По словам Наташи, папа ценил волшебное стекло, как гномы – золото, поэтому им никто не пользовался, так как боялись разбить. Разумно. Экскурсия по хоромам продолжилась, и вдруг в дверь позвонили. Юные романтики превратились в мумии. Первой очнулась Наташа и приказала молчать. Родителей она лично посадила на поезд. После пары минут тишины пьяный голос сообщил, что это Сергей, тот самый курсант летного училища, и он хочет все. Поговорить, жениться, родить пятерых детей и умереть в один день. Коля, разумеется, решил начать битву, но Наташа сказала, что этим он погубит не только себя, но и ее. Она его просто умоляла не подавать голоса.

Курсант, не получив ответа, неожиданно быстро ретировался. Коля изумился отсутствию настойчивости, но, как выяснилось, недооценил соперника. Наша пара переместилась в родительскую спальню, начала артподготовку к диалогу о любви, и вдруг в Наташиной спальне раздался шум разбитого стекла и очень пьяный голос курсанта Сергея. Он тоже знал секретный путь ниндзя и решил пойти на решительный штурм. Наташа еще раз взмолилась, сказала, что если все узнают, что Коля был у нее этой ночью, то больше всех повезет ему, мол, его просто отправят служить на дно Северного Ледовитого океана, а вот саму Наташу ждет полная инквизиция. Что если Коля любит ее хоть немного больше своей гордости, то должен немедленно залезть под кровать вместе со всей своей одеждой. Сам Коля был в тот момент без одежды, разумеется. События разворачивались стремительно, Коля спорить не стал и обосновался с обратной стороны ложа любви товарища полковника. Под кроватью было много интересного, помимо пыли, но перечислять весь набор не стану по эстетическим соображениям.

Наташа выпроводила летчика из спальни, и они пошли разбираться в гостиную. Разговор был на излишне повышенных тонах, более того, стало очевидно, что Сережа пытается склонить девушку к любви в прямом смысле слова. Коля убедил себя, что Наташе грозит опасность, выполз из окопа, натянул трусы и пошел в атаку. В гостиной было темно:

только два голоса и две тени. Коля нащупал выключатель и зажег свет. Четыре глаза уставились на парня, одетого в достижения армейского дизайна. Два пьяных пытались сфокусироваться, два трезвых решали, что делать. И тут Наташа показала, что не зря живет с полковником. Маневр был блистательным. Важная деталь: Наташа училась на актрису.

«Сережа, вот видишь, как ты шумишь, даже соседи пришли. Коля, мы сами разберемся, всё в порядке, идите домой».

Далее она взяла потерявшего дар речи «соседа» под локоть и выставила из квартиры на лестницу без всяких дальнейших инструкций.

Коля почувствовал себя наполеоновским солдатом под Москвой. Очень холодно и до дома живым не дойти. Нет, ну представьте себе. На улице минус 25, в подъезде немногим теплее. Ты практически голый. До казармы несколько километров пешком. Стучаться к соседям значит неминуемо раскрыть всю ситуацию, плюс очевидная самоволка, хотя о ней Коля уже не думал. Ситуация безвыходная. Коля вспомнил все виды спортивной и художественной гимнастики, но понимал, что хватит его еще минут на десять-пятнадцать. Он стал думать, в какую квартиру стучаться, но неожиданно внизу лязгнула дверь и из нее вылетел Сережа. Он начал ломиться назад, поднял шум, и Коля понял, что сейчас точно кто-то из соседей все-таки вмешается. Но кто?! Коле повезло. Сосед с Наташиного этажа открыл дверь и точно ука-

зал Сереже направление, куда ему нужно идти. Жених покинул поле боя. Тем не менее Наташа дверь не открывала, Коля прильнул к окну и увидел, как Сережа пытается поймать среди ночи машину. Коля понял, что за этим процессом наблюдает не только он, но и Наташа. Как только Сережа сел в автомобиль, дверь квартиры открылась, а еще через пять минут практически окоченевшего спортсмена уложили в горячую ванну и стали оживлять. Удалось.

Услышав историю и перестав смеяться, я спросил Колю, почему он включил свет вместо того, чтобы напасть на курсанта неожиданно и быстро и решить схватку в свою пользу. Ответ меня изумил.

– Да я вообще не хотел драться. Во-первых, хрусталь. Мы бы там все перебили, а во-вторых, я бы ему сломал нос в первом же броске в темноте. А он будущий летчик, если ему нос сломаешь, все, конец карьере, в небо не возьмут, что-то там с дыханием важное. Нас тренер учил, будете бить летчиков, берегите им носы. Ну я что, зверь, что ли. Хотел при свете его аккуратно заломать и вывести за дверь.

Настоящий мужчина Коля. Умный, сильный и добрый. До сих пор такой. И очень любит с тех пор тепло. Очень.

А Наташа в итоге вышла замуж за Сережу и уехала с мужем в Германию, куда он был отправлен служить. Просто если комендант города что-то решил, то спорить бессмысленно.

Геннадий Валентинович. Притча о загадочной женской любви

Геннадий Валентинович жил не зря. Редко кто может похвастаться, что по-настоящему нужен людям, будучи всего лишь московским силовиком не бог весть какого, но все-таки полета, а не ползка. Очень часто человек его должности у россиян вызывает либо ненависть, либо равнодушие, либо страх. Иногда эти три отношения меняются местами.

Геннадия Валентиновича многие искренне любили, причем и мужчины, и женщины. Он умел помочь, когда нужно, и при этом оставался в тени. Никогда не требовал особого внимания, хорошо знал о своей роли в жизни каждого, кого он облагодетельствовал, но не напоминал о ней. Да, он иногда мог позвонить в ночи или написать своим подопечным, но это происходило в исключительных случаях, и все ему это прощали. Даже жены крышуемых им предпринимателей достаточно средней, по меркам российского «Форбс», руки. Была, правда, у Геннадия Валентиновича тайна...

Но подождите, не всё сразу.

Коля, Толя и Боря дружили давно, у каждого была традиционная для отечественной экономики смесь собственного бизнеса и управленческой позиции в госкорпорации. При таких делах очень нужен свой человек хотя бы в какой-то силовой структуре. Никогда ведь не знаешь, откуда прилетит

граната: могут и бизнес прижать, а могут и в хищениях авторучек обвинить. Вот на такой случай и был у трех друзей в книжке записной телефон волшебного Геннадия Валентиновича. Как человек военный, покровитель любил не деньги, точнее, не только деньги, а прежде всего уважение, которое в его понимании выражалось в личных визитах по соответствующим праздникам. Отслужил Геннадий Валентинович в трех родах войск, поэтому пил, кроме Дня чекиста, еще в День ВДВ и День пограничника. Прибавим 23 Февраля, 9 Мая, День Конституции, День независимости, День народного единства, 7 ноября, Новый год, Рождество и почему-то День рождения пионерской организации. Этого секрета Геннадий Валентинович не выдавал, но все знали о его любви к дате. Поговаривали, в юности был он влюблен в пионервожатую.

Если прибавить встречи по делам самих, так сказать, управленцев, то в год набегало около двадцати визитов к покровителю. Каждый сопровождался неким символическим и не очень подношением, а также абсолютно несимволическим возлиянием.

Самое смешное, что день рождения у солидного человека приходился на несолидное 14 февраля. Когда в Россию пришел богомерзкий День святого Валентина, Геннадий Валентинович со своим отчеством попал в достаточно комичную ситуацию. Его, настоящего генерала, друзья поздравляли валентинками с самыми нежными подписями. Он чуть ли не

через Госдуму хотел провести закон о запрете праздника, но ресурса не хватило. Ходил слух, что даже на самом верху посмеивались над казусом военного. Как вы понимаете, подарки на 14 февраля покупались Колей, Толей и Борей сначала ему, а потом уже женам.

С этим они тоже смирились, как и с тем, что вечер Дня всех влюбленных жены часто проводили одни. Геннадий Валентинович отмечал ДР не каждый год, но если уж праздновал, то масштабно. Правда, чисто в мужской компании. Жена Геннадия Валентиновича была строга и боролась с его пьянством, поэтому в один прекрасный день ее просто отстранили от участия в праздниках, чтобы гости не слышали бесконечное: «Гена, хватит, у тебя же сердце».

Иными словами, Геннадий Валентинович был незримым членом семьи трех друзей, жены передавали ему привет и безделушки из поездок, он им – цветы в дни рождения. Не пропускал никогда.

Еще Геннадий Валентинович был образцовым приверженцем семейных ценностей. Коля, Толя и Боря рассказывали, как генерал учит их уважать брак. Сам он женился лейтенантом и развод считал событием невозможным. Дружья делились с супругами архаичными воззрениями их учителя, посмеивались над ним, а вот жены на своих девичьих посиделках втайне надеялись, что влияние и авторитет силовика не даст их мужьям вести себя неприлично и, уж точно, думать о разводе. Женщины любят военных, а уж семейно-

ориентированных тем более. Каждый раз, когда жены видели, что звонит Геннадий Валентинович, они расплывались в улыбке и махали в телефон рукой.

Надо сказать, дело свое товарищ генерал знал хорошо. Он понимал, что не валютой единой сыт обыватель. Помогал и с устройством в нужные школы, и в нахождении правильного врача. Даже маму одной из жен помог похоронить на достойном уважаемого человека кладбище.

Не случайно в Новый год один из первых тостов в семьях Толи, Коли и Бори был всегда за здоровье и долголетие Геннадия Валентиновича.

Все было хорошо в судьбе российского силовика, за исключением одного не самого значимого, но все-таки дефекта. Пустяк, скажете, но все равно неприятно.

Геннадий Валентинович не имел тела.

Все у него было: судьба, должность, праздники, жена, дети, начальство, подчиненные, даже завистники и враги, а вот тела не было.

Он был, как бы это помягче выразиться, фантомом. Геннадием Валентиновичем Боря, Коля и Толя давно договорились записывать в своих телефонах любовниц. Пришлось придумать ему жизнь, которая со временем обросла самыми яркими, а главное – удобными подробностями. Ну вот разве не гениально было родить Геннадия Валентиновича 14 февраля и иметь возможность всем троим легитимно отсутствовать до утра в такой важный для любвеобильного человека

день. А три рода войск и День пионерии? А прочие радости?

И самое главное – все три жены знали же о благодетеле Геннадии Валентиновиче, человеке с большой буквы. Звонит в полночь телефон у мужа, он его даже не убирает с дивана: понятно же, что Геннадий Валентинович беспокоит по делу важному, особенно если выйти и вернуться с каменным лицом, а потом набрать друга и сказать: «Тебе уже звонил? Да, сказал про проверку, надо что-то решать завтра будет». Ну какая жена будет выступать против таких звонков, тем более если на девичниках только о Геннадии Валентиновиче и разговоры. Менялись пассии, а вот имя святое оставалось в телефоне всегда.

И вот как-то накануне 14 февраля Боря ужинает с женой.

– Как будете генерала завтра поздравлять?

– Позвоним. В этом году Геннадий Валентинович решил всех пощадить. Сказал, отметит с женой и детьми.

Так совпало, что у Бори и Толи происходила плановая смена состава, поздравлять особо было еще некого – инвестиции в подарки мужчины начинали после трехмесячного тест-драйва. Колю уговорили поддержать компанию.

– Так что завтра пойдем с тобой в ресторан.

– Слушай, Борь, один вопрос меня только волнует последнее время.

– Какой?

– А почему именно Геннадий Валентинович?

– Что почему?

Боря спросил легкомысленно, не отвлекаясь от пасты с креветками и пытался завернуть морепродукт в спагетти.

– Ну почему вы для своих любовниц выбрали именно такое имя. Почему не Иван Петрович или Петр Иванович... Кто придумал?

Боря машинально продолжал крутить вилкой, и капли соуса летели ему на рубашку. Глаза он поднять боялся. Слишком сильным был удар в солнечное сплетение. Жена спросила его настолько ровным голосом, как будто речь шла об имени собаки его сестры. Она спокойно налила себе бокал вина и продолжила.

– Да не переживай ты так. Нет, мне правда интересно, ведь кто-то же придумал это. Вообще, конечно, талантливо: и про день рождения 14 февраля, и про помощь родственникам нашим. То есть вы даже жертвовали заслуженной нашей благодарностью и все лавры отдавали ему. Шедевр. МХАТ. Кстати, мне даже приятно, что ты мои чувства оберегал. Это сегодня редкость. Обнаглели все вконец.

Боря со школы не испытывал такой странной смеси стыда, страха и растерянности, поэтому задал, наверное, самый глупый и не самый своевременный вопрос.

– А как ты узнала?..

Ира усмехнулась:

– Да, действительно, сейчас это самое важное. Хорошо, давай обмен секретами. Ты мне говоришь, почему Геннадий Валентинович, а я тебе – откуда я все узнала.

Боря наконец посмотрел жене в глаза. В них была отстраненность и теплая печаль, на какой-то момент ему даже показалось, что это не печаль, а равнодушие.

– Коля придумал лет десять назад, когда телефон какой-то девицы записал на обратной стороне визитки реального Геннадия Валентиновича. Жена визитку нашла, когда пиджак в химчистку относила, ну и спросила, нужна ли ему карточка Геннадия Валентиновича. Так он и появился. Прости. Я даже не знаю, что сказать...

– А чего тут говорить, ничего удивительного. Слушай, извини, а любовь ко Дню пионерии откуда взяли? Пионерок вроде сейчас нет или вы по старым запасам решили пройтись?

– Толя наряжал свою телку одну пионеркой.

Боря был так раздавлен, что сливал всех подряд.

– Смешно, хорошо хоть не октябренок. Ну ладно, секретом на секрет. Есть версии, кстати, у тебя?

Боря из транса не выходил, поэтому отвечал как на уроке.

– Позвонила, а там женский голос? Телефон пробила? Телки сдали?

– Я не унижаюсь слезкой, а женщинам в России можно доверять. Не сдают обычно. Да все просто. Не поверишь, меня мой любовник в телефон записал Геннадием Валентиновичем, а я, как ты понимаешь, несколько изумилась. Спросила, почему именно так, он мне и сказал, что у него у всех друзей так любовницы записаны, – долго смеялся, ему каза-

лось это очень забавным. Вы же, мужчины, язык за зубами держать не умеете, хуже баб, ей-богу. Ну вот я решила перед разводом у тебя все-таки уточнить, ну мало ли совпадение. А ты сразу со всем согласился.

Боря поплыл и даже пропустил пассаж о любовнике.

– То есть ты не знала наверняка...

Ира искренне улыбнулась.

– Нет, не знала.

Муж был настолько ошарашен всем калейдоскопом событий, что вместо эмоций впал в разгадку ребуса. Он пытался выстроить логическую цепочку, словно вышел из кино, которое не понял, и теперь спрашивал у жены ее версию. В его глазах застыло какое-то мальчишеское непонимание. Оно Иру даже насмешило.

– Запутался? Ну да, если бы ты не сознался сразу, я, может быть, и стала дожимать, уж больно много деталей достоверных, не ожидала, что вы так запаритесь.

– Подожди... Ты сказала «перед разводом»?

– Да, я завтра подаю на развод.

Голос стал жестким.

– Я ничего не понимаю... А если бы ты не узнала про Геннадия Валентиновича, то почему ты подала бы на развод?

Борино лицо выражало максимальную степень непонимания.

– Потому, что я тебя разлюбила, ну и мне кажется, что полюбила другого. Не хочу проверять, будучи замужем. Я

уже давно решила, просто Новый год, каникулы, не до того было. Что ты застыл? Это вы, мужчины, уходите к кому-то, а мы чаще от кого-то. Меня Геннадием Валентиновичем почти год назад назвали, если бы мне было это настолько важно, я бы уже тогда тебя спросила.

– В смысле, разлюбила?

Слова Боря осознал, а содержание нет, поэтому зацепился за самое понятное.

– В прямом... Борь, ты пойми, я уйду не потому, что у тебя есть любовницы. Ты как-то перестал быть для меня мужем и мужчиной. Ты просто остался хорошим человеком, а этого так мало... так мало.

Боря постепенно начал осознавать всю происходящую катастрофу, но продолжал свое «Что? Где? Когда?».

– А ты уходишь к тому, кто назвал тебя Геннадием Валентиновичем?

Ира вздохнула.

– Вот я поэтому и уйду, что ты задаешь такой пошлый вопрос, зная меня вроде бы десять лет. Неужели ты думаешь, я хотя бы день тогда прожила под таким именем в чужом телефоне. Я не ханжа, но все-таки. Да, вот еще, не переживай, твоих друзей я женам не сдам. Пусть Геннадий Валентинович живет долго – хороший мужик, цельный, с понятиями.

Андрей Константинов

О вреде доверчивости к гражданам вообще и в частности к военным переводчикам, имеющим острую потребность в деньгах и спиртных напитках

Психология – штука тонкая. Особенно четко я понял этот простой тезис в 86-м году, когда столкнулся с интересной особенностью человеческой природы: поступая не очень честно и не очень красиво, многие почему-то считают, что в отношении них другие люди должны действовать исключительно порядочно. На этом и горят. А точнее, горим, потому что все мы люди. Мысль не новая, но дошел я до нее путем, может быть, и не самым обычным.

Дело было так: я доучивался на Восточном факультете после годичной практики в качестве переводчика арабского языка в составе парашютно-десантной бригады специального назначения Южного Йемена...

А надо сказать, что после той «практики» я сильно пил. Очень сильно... И спал плохо. И душа болела очень сильно.

Сначала финансовых проблем не было, потому что я много внешпосылторговских чеков в Союз с собой привез, но – все хорошее однажды заканчивается... Как-то я заявился домой совсем пьяный, папа, воспользовавшись моим бесчувствием, деньги у меня изъяс, положил в сейф у себя на работе и заявил, что не отдаст их мне, пока пить не брошу... Стало быть, деньги надо было где-то находить... И я их находить умудрялся – сначала форму свою десантскую пропил, потом другие вещи начал потихоньку продавать... А форму свою пятнистую загнал я одному уроду, который на филологическом факультете учился. Не знаю, откуда у него деньги водились, – родители в торговле работали, что ли...

Не важно... Он у меня и десантные ботинки купил, и куртку, и штаны – и в таком вот «мужественном прикиде» ходил в универ. Наверное, считал себя «Рембой»... С головой у парня, видать, не все в порядке было – совсем рехнулся на военной атрибутике... Я ему только берет свой зеленый не сдал и медаль, хотя он за них совсем бешеные деньги сулил – рублей сто, по-моему...

Но наступил и такой день, когда продавать мне стало уже нечего – пропился вчистую... Причем день этот я помню прекрасно – у нас на факультете как раз должно было предварительное распределение состояться... И вот заявляюсь я в альма-матер с абсолютно «чугуниевой» головой, весь мир напоминает один большой кусок дерьма и больше ничего, а денег на опохмелку нет совсем... Я туда-сюда, чувствую – в

куски разваливаюсь, у ребят попытался занять – ни у кого башлей нема... Что делать? Ну не помирать же в самом деле лютой смертью без опохмеления? А в безвыходных ситуациях мозг начинает работать в усиленном режиме...

Стою я в коридоре, думаю. Вдруг мне навстречу этот задрот скачет, который у меня форму скупал... А в отдалении болтается девчонка одна с нашего курса, Янка Овчинникова, – ходит, волнуется, распределения ждет... Я как их обоих увидел, в башке сразу и произошло таинство рождения идеи... Дело в том, что этот придурок с филфака, любитель военной формы, очень «неровно дышал» на Янку – фигурка у нее была, между прочим... Гм... да, в общем, это не важно... Важно то, что Яна гражданина с филфака просто в упор не замечала – триста лет он ей не нужен был, – так что этот «филфачник» только слюни пускал и страдал ужасно от полной половой неудовлетворенности и безответной любви... Я хватаю паренька за руку, тащу в курилку, сажаю на подоконник и конкретно спрашиваю, хочет ли он Янку? Он, ясное дело, давится слюной и говорит, что хочет. Я ему предлагаю: раз такое дело, то давай, мол, я тебе мадемуазель Овчинникову принесу прямо сюда – сгружу, так сказать, ее прямо на этот же подоконник, и по доступной цене, всего за четвертной...

Филолог дрожащей лапкой молча выдает мне двадцать пять рублей, я скачу за Янкой, шепчусь с ней недолго, потом подхватываю ее на руки и несу в курилку... И всё – товар

сдал, товар принял... Я при четвертном...

Многие могут ужаснуться – до чего, мол, парень докатился? Живыми женщинами, советскими студентками, торгует. Мерзость какая. Но фокус-то заключался в том, что Янку я не продавал, потому как буквально через минуту после сделки века она из курилки выскочила. Оно ведь как было? Я у этого филфаковского деятеля поинтересовался – хочет ли он Янку? Потом я предложил ему эту самую Янку за четвертной прямо в курилку принести. Но я же ни слова не говорил насчет того, что мадемуазель Овчинникова будет с этим придурком трахаться! В чем вся соль и заключалась. Бабу ему принесли? Принесли. А дальше уже – твои проблемы, мил человек, кто ж виноват, что ты ее удержать не сумел?.. Кто-нибудь шибко нравственный может, конечно, сказать, что я этого бедолагу развел вчистую, пользуясь его глубокими чувствами. Что это был чистый кидок. Но я с этим мнением категорически не согласен, потому что задрот сам себя развел и кинул. А что касается его чувств, то они, извините, никакой критики не выдерживают: парень говорит, что любит девушку, – и соглашается купить свою любовь за четвертной у какого-то похмельного скота. Простите великодушно, но это не любовь. И вообще, мне таких козлов, которые согласны женщин за деньги покупать, ни капельки не жаль. Поделом. К тому же можно и с другой стороны на проблему взглянуть: этот друг филфачный всего-то за четвертной приобрел неоценимый жизненный опыт, который, возможно, и позво-

лил ему как-то подкорректировать собственные моральные позиции и устои.

Правда, мне этот четвертной тоже особого счастья не принес. Пропили мы его в тот же день с коллегами-переводягами. И вот тогда во всей своей обнаженной мерзопакостности снова встала перед нами проблема: где ж взять деньги, если душа горит и водки просит? А мозг между тем уже отказывался выдавать оригинальные идеи и хитроумные комбинации. В такой ситуации что остается? Только тупой и примитивный грабеж. Правда, должен заметить, что по деньгам и вещам мы никогда с коллегами не промышляли, а вот водку у таксистов и частников-спекулянтов экспроприировали. Это бывало. Они ее возили по ночам и впаривали по двойной или даже тройной цене. Ночных-то магазинов в те времена не было... Вот мы и... и боролись со спекуляцией таким образом. При этом, конечно же, не злодействовали и не душегубствовали, не били никого, не убивали. Все было опять же на одной психологии выстроено. На «дело» мы ходили обычно втроем-вчетвером. Одного, поинтеллигентнее который, на дорогу выставляли, остальные поблизости за кустами прятались. Тот, который на дороге, машину останавливает и спрашивает: «Простите, у вас водочку купить нельзя?» Водила, допустим, говорит: «Можно». Тогда наш парень интересуется: «Позвольте на пробочку посмотреть – не „обманку“ ли возите?» Потому что у нас был такой случай – мужик один подозрительно легко с бутылкой расстался, все улыбал-

ся так гаденько. Мы когда потом эту бутылку открыли – там вместо водки вода оказалась... Так вот, водила бутылку показывает, «интеллигент» ее – цоп в руки, и тут мы из-за кустов встаем... Водила сразу все понимает и мирно уезжает – не будет же он милицию звать, она ведь его же самого за спекуляцию и прихватит... То есть принцип был – никакого насилия.

Однажды, правда, влетели мы все-таки в дикую историю: бухали у меня дома, родители в отъезде были, деньги кончились, а желание осталось... Помню, тогда мы еще папину настойку от ревматизма выпили – и как только не загнулись, не знаю. Эта настойка на змеином яде приготовлена была... Да, так вот. Пили мы впятером – четверо моих коллег с факультета и один будущий доктор, Борька Алехин, который в то время еще в Военно-медицинской академии учился. Так вот, у двоих моих коллег с этой змеиной настойки какая-то аллергия началась, они красной сыпью покрылись и выбыли временно из соревнований, а у нас троих – у меня, у Борьки и у Лехи Шишова, амбала двухметрового с моего факультета, – как назло, ни в одном глазу. Что делать? Только на большую дорогу идти. Борька пил с нами не так уж часто и на промысел еще ни разу не ходил. Ну мы с Лехой его успокоили: мол, не дрейфь, технология отработана до нюансов. (Что в принципе соответствовало действительности. Леха-то был опытный, проверенный боец-разбойник. Однажды, помню, мы на этой теме даже хохму решили разыграть в отноше-

нии одного нашего с ним сокурсника, который водку-то жрал вместе со всеми, а как на дело идти, все норовил в кусты шмыгнуть. Как-то раз мы обставили ситуацию так, что отвертеться у халявщика не получалось, и тогда мы с Лехой решили устроить ему испытание для нервов. Поскольку технологию ночного разбоя тот представлял себе смутно, мы решили напугать его до чертиков: уходя на дело, Леха, в чьей квартире мы тогда как раз выпивали, с тупым видом угрюмо извлек из стенного шкафа старый австрийский штык. И на вопрос побледневшего халявщика: «Это зачем?» – буднично ответил: «Некоторые идиоты водку отдавать не хотят, и тогда приходится их резать». Халявщик чуть в обморок не упал, но отступать ему некуда было, и на большую дорогу он с нами все-таки пошел. Его поставили за кустами так, чтобы он ничего не видел. Огненную воду мы, естественно, отобрали, как обычно, тихо, мирно и, упаси боже, без насилия. Но появившись перед халявщиком, Леха начал деловито вытирать штык о траву и еще спросил меня: «Посмотри, я кровью не сильно забрызгался?» Вот тут-то халявщик и сомлел – честное слово, сознание потерял. А потом никак верить не хотел, что мы его разыграли.)

При такой вот нашей опытности мы Борьку, естественно, поставили на дорогу – как самого интеллигентно выглядявшего... Дело все на проспекте Энергетиков происходило... Мы с Лехой за кустами лежим, Борьке всё объяснили – мол, как только ты водку в руки возьмешь, мы встанем, водила

испугается и уедет. Боря стоит, поправляя пенсне мизинцем, нервничает... Вид у человека приличный, подозрений не вызывает...

В общем, стопорит Борька какой-то «запорожец», за рулем которого сидит карлик. Ну то есть не совсем чтобы карлик, но очень маленький мужичок, этакий шибздель. Сначала все шло как по маслу. Борька водку в руки взял, повернулся и мелкими шагами – к кустам. Из-за кустов мы с Лехой встаем грозно – мол, езжай, мужик, своей дорогой, а то порвем как газету... И тут начинает происходить «сбой в программе». Этот карлик в «запорожце», когда до него доходит, что его кинули, совсем озверел. То есть натурально – завыл вдруг как волк бешеный, у меня от этого воя мурашки по коже побежали, а Леха Шишов вообще чуть от ужаса не умер. То есть очень не хотел мужичок со своей водкой расставаться. Хватает это шибздель монтировку и выскакивает из «запорожца»: глазищи бешеные, на губах пена, а орет он просто как раненый самурай... Леха, который был выше этого малахольного как минимум на две головы, сразу развернулся и побежал, нервы у него сдали, – видать, не приходилось ему еще с таким ужасом сталкиваться... Я, честно говоря, тоже растерялся – и за Лехой следом рванул. А за нами Борька-доктор бежит с бутылкой в руке и орет дурным голосом: «Сволочи, куда же вы бежите?! Вы же обещали, что водила испугается!» Шибздель эту фразу услышал и осатанел окончательно, кричит: «Это я-то испугаюсь?! Подонки!»

В две секунды этот жмотистый карлик настигает Борьку – и ка-ак даст ему пендель по заднице – у того даже очки с носа в лужу упали. Но зато пинок придал ему ускорение – Боря на чудовищной скорости обходит меня и передает мне бутылку водки как эстафетную палочку. И попилил вслед за Лехой, который уже за три автобусные остановки вперед убежал... Я оказываюсь в арьергарде – и с бутылкой в руках. Карлик не отстает. Я оборачиваюсь, бегу спиной вперед и пытаюсь вступить с этим малахольным в переговоры, кричу ему: «Мужик, ты чего бежишь за нами, нас же трое!» Лучше бы я этого не говорил – он еще быстрее начал монтировку над головой крутить, словно чапаевец в атаке. Потом как швырнет этот ломик – я еле пригнуться успел, над самой головой свистнуло. Тут до меня доходит, что карлик невменяем, такой если догонит – загрызет насмерть обязательно...

Единственное, что меня спасло, – это опять-таки работа мозга. Я додумался крикнуть: «Мужик, ты же машину бросил, угонят ведь». Шибздик, как это услышал, скорость сбавил чуток, ну а я развернулся и побежал так, как никогда еще не бегал...

Бегу, а в душе такой ужас – честное слово, я в Йемене под обстрелом так не пугался – очень страшный карлик попался. Отмороженный какой-то... И вот бегу я, задыхаясь (пили-то мы уже давно – день третий или четвертый, силы-то на исходе), заворачиваю в какой-то двор, падаю в изнеможении за кусты, думаю – все, ушел...

И тут машина какая-то во двор влетает, фарами светит и прямо на кусты мои несется. Вот, думаю, гад какой, решил на «запорожце» своем догнать и задавить живого человека из-за какой-то бутылки водки! Нет, думаю, нас просто так не возьмешь, мы все в спецназе кувыркались. Вываливаюсь из-за кустов и в перекаате бросаю каменюку в фару – как учили, словно гранату... Фара вдребезги, машина останавливается, и тут я вижу, что никакой это не «запорожец», а совершенно посторонний «жигуль», из которого вылезает некий приличный дядька и смотрит на меня в полном обалдении. Он, наверное, в свой двор заехал – и тут «партизан» какой-то с кирпичом... Минус фара... Обалдеешь тут. Мне так стыдно стало, неловко – не передать... А все из-за карлика, который страху нагнал. Я встаю, говорю: «Извините, ошибка вышла, товарищ. Вот, возьмите водку в качестве компенсации...» И протягиваю ему бутылку. А он, сердешный, почему-то затрясся весь – прыгнул в тачку и погнал со двора. Да... Испугался, наверное...

Такая вот гнусная цепочка получилась – меня карлик ма-
лахольный напугал, а я этого мужика. И главное, после всей
этой беготни и стрессов протрезвел я совершенно. Бутылку
несу трофейную. А у подъезда моего дома «напарники-по-
дельники» о бронированную дверь бьются, словно мотыль-
ки, – кода-то они не знают, тычутся наугад, все им кажется,
что страшный карлик где-то близко, что он все гонится за
ними... Борька как меня увидел, разорался на весь двор –
все, говорит, хватит, больше я с вами грабить не пойду, на-
хлебался. Слишком неверное занятие. И от водки, кстати,
отказался... А Леха Шишов, амбал наш двухметровый, стал
с тех пор мужиков маленьких побаиваться. Он сейчас бан-
киром трудится – банк у него небольшой, но такой конкрет-
ный. Говорят, что официальным девизом-слоганом банка он
хотел выбрать мудрую народную поговорку: «Мал клоп, да
вонюч» – но вроде соучредители уперлись. И что характер-
но, в среде банкиров слывет Леха ужасно недоверчивым че-
ловеком. От него кредита добиться – легче удавиться. Ста-
ло быть, и он достаточно четко уяснил, что человеческая до-
верчивость может принести большие огорчения...

О вреде недоверчивости к гражданам вообще и в частности к военным переводчикам, имеющим самые добрые намерения

Окружающий нас мир сложен и многообразен. Только черного и только белого в нем, как известно, практически не бывает. А потому, крепко уяснив в свое время опасность излишней доверчивости, пришел я к не менее гениальному выводу, что и излишняя недоверчивость тоже может сослужить плохую службу. На самом-то деле иллюстраций к этому тезису в практике военных переводяг хватало – не всегда только эти иллюстрации должным образом осмысливались...

Так вот, вернемся к нашей истории. Однажды, после окончания служебного дня, Арина, переодевшись в гражданскую одежду – легкомысленные брючки, туфли на шпильке и полупрозрачная блузка, – отправилась гулять по городу и, снедаемая чувством одиночества, забрела в ресторан. А в том ресторане увидела она знакомых алжирских офицеров, ну и подседа к ним. Слово за слово, рюмкой по столу – как-то так непонятно получилось, что, несмотря на всю свою офицерскую и курсистскую закалку, накушалась Арина водки с небольшим, но явно видимым невооруженным глазом перебором и возможности передвигаться самостоятельно оказа-

лась лишена. Известное дело – офицер офицера в беде не бросит. Даже если это офицеры разных стран и армий. Благородные алжирцы подхватили лейтенанта женского рода под руки (а может, и под что еще, но об этом история умалчивает) и начали осуществлять доставку «груза» в расположение воинской части – конкретно к месту дислокации офицерского общежития.

Прибыв на проходную, они, однако, столкнулись с серьезной проблемой. Так уж неудачно сложилось, что в тот день на проходной на вахту заступила новая дежурная из числа служащих Советской армии (жена какого-то подполковника, служившего в том же учебном центре). Эта достойная дама, к несчастью своему, в лицо лейтенанта Арину не знала, несмотря на ее невероятную популярность среди мужских представителей тамошнего офицерского корпуса. А потому среагировала дежурная адекватно полученным строжайшим инструкциям – ясное дело, на новом-то месте человек всегда себя сначала с наилучшей стороны проявить хочет. Товарищ дежурная преградила своим облеченным полномочиями телом дорогу алжирским офицерам и начала их строго отчитывать. Дескать, мало того, что сами вернулись в дым урытые, так еще имели наглость какую-то блядь с собой приволочь. Да к тому же полностью невменяемую. Алжирцы пытались ей что-то объяснить, но беда-то в том и состояла, что по-русски они, считай, совсем не говорили (а иначе зачем бы нужны были в том центре переводчики?), а товарищ дежур-

ная не владела ни французским, ни арабским – доводы алжирских офицеров не воспринимала и все больше зверела.

Ситуация накалялась, и, когда дежурная, возмущенная чрезвычайным происшествием до глубины души, раз в пятнадцатый очень громко выкрикнула слово «блядь», прислоненная к стенке лейтенант Арина вдруг открыла левый глаз и достаточно внятно сказала: «Я не блядь, а лейтенант Советской армии». После чего глаз закрыла. Сил на то, чтобы вытащить из лифчика хранившееся там удостоверение личности советского офицера, у нее не хватило, поэтому подтвердить свои слова она ничем не смогла и ее заявление соответственно было воспринято потерявшей дар речи дежурной как наглая и беззастенчивая провокация и клевета на несокрушимую и легендарную Советскую армию. Дар речи, однако, дежурная потеряла ненадолго, она схватила служебный телефон и вызвала гарнизонный патруль, мотивировав свою просьбу дежурному по центру тем, что на вверенном ей участке происходит попытка несанкционированного проникновения посторонней гражданки в общежитие для иностранных офицеров.

Патруль немедленно прибыл на место событий. И надо же было так случиться, что начальник патруля, абсолютно зеленый лейтенант, недавно прибывший в новую часть, тоже Аришу в лицо не знал. Он взял ее на руки и доставил в специальное помещение, время от времени служившее в нашей части чем-то вроде гауптвахты. Там Ариша была сгружена на

пол на предмет протрезвления для дальнейшего выяснения обстоятельств. А поскольку в армии у нас бардака хватает и кто-то что-то все время забывает, так вот забыли в этой ку-тузке и Арину – не надолго, правда, а всего лишь до утра. Но она-то проснулась значительно раньше и буквально изошла вся на крик, требуя, чтобы ее немедленно выпустили, и вопя, что она советский лейтенант, чем немало развлекала сторожившего ее солдата-срочника армянской национальности, плоховато говорившего по-русски.

А поутру о попытке проникновения к офицерам-иностранцам простой советской шмары было доложено по команде, то есть замполиту центра, товарищу полковнику Деревянненко, имевшему в переводческой среде кличку Дю Буа. (Дю Буа – это максимально точная попытка перевести фамилию Деревянненко на французский язык.) Товарищ полковник, желая детально выяснить ситуацию, прибыл посмотреть на задержанную, ворча при этом на исполнительного дурака лейтенанта: мол, на хера было задерживать-то девку, дали бы по жопе и выкинули за ворота, мы ж не милиция, а вам, дуракам, волю дай, всякую дрянь в часть потащите. Когда дверь узилища распахнулась, потрясенный Дю Буа, зная, конечно, о родственных связях Арины в Политбюро, вдруг понял, что карьера его может на этом эпизоде и закончиться. Арина строго посмотрела на полковника и осипшим от ночных воплей голосом спросила: «Что происходит?» Товарищ полковник, говорят, тут же нашелся и молодежавато

гаркнул, что, мол, разберемся и накажем. Очевидцы утверждают, что на дежурную, проявившую излишнюю недоверчивость, замполит орал так, что слышно было даже на пятом этаже общежития. Несчастливая слегла в тот же день с ужасной мигренью и подозрением на сердечный приступ.

Мы когда из командировок-то из своих повозвращались, – естественно, об истории этой узнали. И призадумались. Действительно, недоверчивость и бдительность иной раз и по тебе самому ударить могут. Но самое любопытное заключалось в том, что буквально через пару недель мы сами оказались в эпицентре поучительной истории, стержнем которой стала опять-таки недоверчивость, и опять-таки к военному переводчику, и опять-таки со стороны женщины.

А случилось следующее. Один из наших боевых друзей, старший лейтенант Жигенин (кличка Жига), переводчик с французского языка, вернулся из командировки, которая проходила в городе Львове. Он там получил не очень хороший отзыв. Выходило по этой бумаге, что с моральным обликом у Жиги были самые настоящие проблемы. А тогда как раз решался вопрос об оставлении Жигенина в кадрах Вооруженных сил – в наш центр он прибыл после окончания гражданского вуза как офицер-двухгодичник. Ситуацию с моралью Жиге надо было срочно исправлять, поэтому решил он форсировать вопрос собственной женитьбы – ну а что может больше укрепить моральный облик советского офицера (разведенного), как не вступление в законный

брак?

Была у Жиги в городе подружка из местных, звали ее Надя, и происходила она из достойной офицерской семьи. Ей-то старлей и сделал официальное предложение. А она согласилась. Тучи над головой Жигенина стали потихоньку редеть, поскольку папаша Нади был старым товарищем начальника нашего центра.

Жига решил перевести дух и за некоторое время до назначенной в спешном порядке (по благу) свадьбы завернул на квартирку, в которой снимали комнату три его товарища – лейтенант Лешка Широких, младший лейтенант Димка Киндич, по кличке Кадет Биглер, и я. Заглянул он к нам на квартирку, естественно, с целью проведения небольших посиделок, скромного такого мальчишника, для того чтобы расслабиться перед предстоящей этим же вечером встречей с невестой. А квартирка, в которой мы все трое жили, была не простая, а с секретом. Мы ведь там как оказались: когда нас угнали в командировки, снимаемые нами прежде квартиры пропали, потому что оплачивать их впустую мы не могли. Мест в офицерской общаге не было. И так получилось, что в лихорадочных поисках, где приткнуться, познакомились мы случайно с одной молодой дамой – продавщицей из местного Военторга, у которой, непонятно откуда, была двухкомнатная квартира. Вот одну комнату нам троим она и сдала – возможно, не без дальнего прицела, потому что уж очень умильные взгляды бросала она на нашего младшень-

кого, на Кадета Биглера то есть. Настолько умильные, что он без нас иногда даже из комнаты в туалет выходить побаивался. В комнате были большая кровать и узенький диванчик. На кровати спали мы с Широких, а на диване – Биглер. Таково было наше совместное проживание. Конечно же, все это немедленно стало поводом для постоянных подначек со стороны наших добрых коллег. Жутко остроумные хохмочки были: типа «шли по лесу гномики – оказалось, гомики» и т. д. и т. п. Так вот, в тот вечер, когда Жига к нам на огонек завернул, хозяйки, к несчастью, дома не было (а то, может, и история эта совсем по-другому бы повернулась). Сели мы меланхолично выпивать портвейн, меланхолия потихонечку стала развеиваться. Потом мы еще выпили и начали чудить. Поскольку Жига также нас постоянно на «голубые темы» подкалывал, как-то так незаметно, слово за слово, решили мы дуркануть и устроить голубые танцы. Раз уж так все сложилось. Выволокли из шкафа платье хозяйки – женщина она была дородная, кубанских кровей. Напялили платье на Леху Широких, обрядили его же в хозяйские туфли и, в довершение маскарада, накрасили взятой с трюмо помадой и румянами. А потом начали танцевать. Ржали при этом как сумасшедшие, конечно. Так, что даже соседи стучать по батареям начали. Особенно хорошо удалось Жиге и Лехе финальное танго – все, как у взрослых, с запрокидыванием через колено и прочими латиноамериканскими прищипками, или, как сам Жига выразился: с финдиборциями и

кандиснарциями. Вот только одна заковыка вышла, которую мы не углядели. В разгаре танца Леха случайно губищами своими накрашенными мазанул Жигу по белой свеженькой рубашечке, которую тот специально нагладил перед свиданием с дорогой невестой Наденькой...

На следующий день мы все встретились в родной части в отделении переводов. Жига выглядел как-то не очень – прямо скажем, настроение у него было смурное. И поведал он нам душераздирающую историю. Когда он, уйдя от нас, прибыл к Наденьке, то она как-то сразу заметила следы женской помады на его наглаженной рубашке и очень по этому поводу расстроилась. Жига, не ведавший за собой греха, с улыбкой пытался объяснить невестушке, что помада эта – совсем не то, о чем она, Наденька, подумала, и что он, Жига, вообще человек достойный и исключительно положительный и инцидент яйца выеденного не стоит, потому как помадный след случился на рубашке лишь из-за того, что лейтенанта Широких переодели в женское платье, накрасили женской косметикой и он, Жига, с ним танго танцевал. Надя восприняла эту чистую правду как-то абсолютно неадекватно – вместо того, чтобы все понять и улыбнуться суженому, ударила его по лицу и залилась слезами, сказав, что он, Жига, вдобавок ко всему ее еще и за дуру держит. Чего она ему простить никак не сможет, а потому пойдет и нажалуется папе. А папа постарается донести истинную картину морального облика старшего лейтенанта Жигенина до командира части.

И как Жига ни старался, не удалось ему Наденьку вразумить и объяснить ей, что совершает она чудовищную ошибку.

В общем-то, где-то и в чем-то понять ее можно. Незнакомая с бытом и обычаями военных переводчиков, Наденька действительно могла воспринять правдивейшую Жигину историю как чистый и наглый бред. И поэтому Жига решил обратиться за помощью к нам, к своим боевым друзьям. Он сказал, что договорился после службы встретиться с Наденькой в центре города, в кафе «Платан», – попить кофию и в спокойной обстановке все как следует объяснить. По плану Жиги, мы с Широких в то же время и в том же месте должны случайно прогуливаться, заметить парочку, ненавязчиво и естественно подсесть к ним. И опять же ненавязчиво, естественно, интеллигентно и, найдя нужные слова, со смехом рассказать о вчерашнем происшествии так, чтобы Наденька поверила, утешилась и продолжала бы верить своему жениху.

Бросить в беде друга мы, естественно, не могли. Поэтому ровно в 18.00 мы с Лехой «случайно» вышли на заданную точку. Увидев сидевшую за столиком мрачную парочку, Леха неестественно радостным голосом заорал: «Кого мы видим, вот так встреча!» Другие посетители стали оборачиваться, решив, что кого-то, наверное, режут. Скажем прямо, начало было не самым удачным, потому что ответную радость Наденька почему-то демонстрировать не спешила. Мы подсели к будущим молодоженам за столик, и я, чтобы раз-

рядить обстановку, рассказал парочку анекдотов о Наташе Ростовской и поручике Ржевском. Обстановку я не разрядил, – наоборот, она почему-то стала накаляться еще больше. Тогда Жига, изменившись в лице, пнул Леху под столиком ногой. Леха ойкнул, расплескал кофе и тут же «естественно и интеллигентно» переключился на заданную тему. «Ты знаешь, Наденька, – бодрым голосом начал Леха, – какая смешная история вчера приключилась? Зашел к нам на квартиру Жига, мы выпили, потом я переоделся в женское платье, мне накрасили губы помадой, и я стал с Жигой танцевать танго». В этом месте правдивого Лехинога рассказа Надя опрокинула свою чашку с кофе и вся в слезах выбежала из кафе. Жига побежал за ней, сказав нам на прощание, что мы сволочи, чем нас страшно и незаслуженно обидел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.